

Люди тумана

Автор:

Генри Хаггард

Люди тумана

Генри Райдер Хаггард

«Люди тумана» – остросюжетный роман. Действие его разворачивается в Африке. В поисках сокровищ «земли тумана» его герои Леонард, Хуанна и Оттер претерпевают самые невероятные приключения.

Генри Райдер Хаггард

Люди тумана

* * *

I. Грехи отцов падают на детей

Наступила ночь. В холодном январском воздухе стояла такая тишина, что ни одна веточка обнаженных буковых деревьев не шевелилась; луговая трава была покрыта тонким белым слоем снега, на котором резко выделялись темные ели, окаймлявшие дорогу.

В тот вечер, с которого начинается наш рассказ, на этой дороге стоял молодой человек, посматривавший нерешительно вправо и влево. Вблизи виднелись

величественные железные ворота фантастического вида, поддерживаемые каменными столбами, на вершине которых стояли грифы из черного мрамора, державшие в лапах щиты с гербом, украшенным девизом – «Per ardua ad astra». За воротами шла широкая дорога для экипажей, по краям которой темнели вековые дубы. В конце дубовой аллеи, почти в полумиле от проезжей дороги, возвышалось большое старинное здание, заметное издали, благодаря возвышению, на котором оно стояло.

Молодой человек долго и серьезно смотрел на здание, глядевшее на него с холма, и лицо его подернулось дымкой печали. Он был довольно красив, хотя, казалось, с него уже слетело все очарование юности. Сумрачный, суровый вид, стройная фигура, атлетическое телосложение, средний рост – таким был на вид Леонард Утрам – так звали молодого человека.

Пока Леонард медлил на дороге, не решаясь, по-видимому, при всем своем желании, пройти в желанные ворота, послышался шум колес экипажей, отъезжавших от подъезда большого здания.

– Должно быть, аукцион кончился, – скорее бы разделаться со всеми! – подумал он и хотел удалиться, но один из экипажей был уже у ворот, и Леонард поспешил спрятаться в тень от каменного столба ворот, чтобы не быть замеченным на открытой дороге. У самых ворот экипаж остановился, и кучер, соскочив с козел, стал поправлять что-то в упряжи, так что Леонард мог разглядеть седоков: жену и дочь соседнего сквайра, и слышать их разговор. Он хорошо знал этих дам: с младшей ему часто приходилось встречаться на местных балах.

– Как дешево шли вещи, Ида, – произнесла старшая из дам, – подумать только, что старинный дубовый буфет пошел всего за десять фунтов. Это старинная вещь, и я уверена, что цена ему, по меньшей мере, пятьдесят фунтов. Я продам наш и поставлю его в столовой. Давно уже я мечтала о таком буфете!

Дочь вздохнула и отвечала немного резко:

– Мне так жаль Утрамов, что нет никакого дела до этого буфета, даже если бы вы приобрели его за два пенса. Какое страшное разорение! Подумать, что это старинное поместье куплено евреем! Том и Леонард совершенно разорены; говорят, им не останется ни одного пенса. Я чуть не заплакала, увидав, как

продавали ружья Леонарда!

– Очень печально, в самом деле, – рассеянно отвечала мать, – но если он и еврей, то что же из этого? У него есть титул и, говорят, он страшно богат. Думаю, что он скоро совсем поселится в Утраме. Кстати, милая Ида, я хотела бы, чтобы ты излечилась от привычки называть молодых людей просто по имени. Я говорю это не о тех двоих, которых мы, без сомнения, не увидим больше никогда!

– А я, наоборот, надеюсь, что увидим, – смело отвечала Ида, – и по-прежнему буду звать их просто по имени. Вы не запрещали подобного до их разорения, и я люблю их обоих. Зачем вы взяли меня на этот ужасный аукцион? Вы знали, что я не хотела ехать. Теперь я буду расстроена целую неделю... – и экипаж отъехал, так что Леонард не мог ничего более слышать. Выйдя из тени, он, перекрестив удалявшийся экипаж, проговорил громко: «Благослови вас Бог за ваше доброе сердце, Ида! Дай Бог вам счастья! – А теперь надо закончить с другим делом!» – прибавил он, зашагав вдоль дороги.

Ярдах в ста далее по дороге видны были еще одни ворота, гораздо менее величественные, чем те, которые вели к Утрам-Холлу. Леонард прошел через них и очутился перед дверьми четырехугольного каменного здания, построенного с большим вкусом. Это был дом приходского священника, занимаемый преподобным и достоуважаемым Джемсом Бичем, которому здание это было подарил отец Леонарда, старый школьный товарищ священника.

Леонард позвонил у входа и, услышав отдаленный звук звонка, невольно спросил себя, какой прием он встретит теперь в этом доме?

До сих пор его принимали очень сердечно, но сейчас обстоятельства изменились. Он уже не занимал в обществе положения второго сына сэра Томаса Утрама, владельца Утрам-Холла. Он был теперь нищим, бездомным бедняком, сыном злостного банкрота и самоубийцы. Беззастенчивые слова старой дамы из экипажа пролили свет на многое, чего он ранее не замечал. Он вспомнил известную поговорку – дружба следует за счастьем, – значение которой стало ясно ему только теперь. Пришли ему на память и часто слышанные им в церкви слова Священного Писания: «имущему дается, а от неимущего отнимается и то, что он имеет».

Впрочем, хотя он и бедняк, но все-таки обладает еще сокровищем, которое Провидение может дать человеку в юности – любовь перелестной женщины, которой он отвечал взаимностью.

У преподобного Джемса Бича была дочь по имени Джен, пользовавшаяся репутацией красивейшей и очаровательнейшей девушки во всей округе. Леонард и эта девушка, знавшие друг друга со школьных лет, полюбили, и, когда молодой человек сделал Джен предложение, оно было принято с восторгом.

Целью этого посещения Леонардом дома священника было увидеть Джен и обговорить все с ее отцом относительно брака. Надо сказать, что его обручение с молодой девушкой не было официально объявлено.

Конечно, со стороны ее родителей не встречалось никакого препятствия браку: хотя Леонард и был младший сын, но все хорошо знали, что он должен наследовать после своей матери состояние в 50 тысяч фунтов, или более. Кроме того, Провидение дало крайне слабое здоровье его старшему и единственному брату Томасу. Но сэр Томас Утрам пользовался репутацией гордого человека и едва ли взглянул бы благосклонно на брак Леонарда с дочерью мистера Бича. Ввиду этого родители Джен, узнав о сделанном ей Леонардом предложении, решили воздержаться от всяких внешних проявлений радости из-за того, что дочь их пленила такого блестящего молодого человека, по крайней мере, до тех пор, пока Леонард не добьется самостоятельного положения в обществе.

Очень часто впоследствии они хвалили себя за предосторожность; тем не менее, они признавали Леонарда обрученным женихом своей дочери. В общем, дело это не было секретом ни для кого, исключая, может быть, самого сэра Томаса. Со своей стороны, Леонард не давал себе труда скрывать что-либо от него, но отец и сын так редко встречались друг с другом, и отчуждение между ними было настолько велико, что сын не считал нужным говорить отцу о предмете, столь близком его сердцу, не видя пока необходимости в этом.

Преподобный Джемс Бич был здоровый мужчина внушительного вида. Никогда он не выглядел более здоровым и внушительным, как в тот вечер, когда Леонард пришел к нему. Он стоял перед камином в гостиной, держа в обеих руках огромную старинную серебряную чашу в таком положении, что со стороны можно было бы подумать, что он только что осушил ее содержимое. В действительности он искал клеймо на дне сосуда, все время расхваливая жене и

детям – у Джен был брат – ценность и красоту старинной вещи.

Блеск серебра бросился в глаза Леонарду, когда он вошел в комнату; в серебряном сосуде, которым восхищался м-р Бич, он узнал одну из вещей, принадлежавших семье Утрамов.

Неожиданное появление молодого человека произвело различное впечатление на всех находившихся в комнате. М-р Бич, опустив чашу, в молчаливом изумлении стал смотреть на него. Жена его, маленькая живая женщина, круто повернувшись в своем кресле, как на пружинах, воскликнула: «Боже, кто бы мог подумать!», тогда как сын, крепкий молодой человек, одних лет с Леонардом и его школьный товарищ, произнес: «А, дружище, вот не ожидал тебя увидеть сегодня». Только Джен, прелестная девушка высокого роста, с густыми каштановыми волосами, сидевшая у огня на низеньком стуле и уделявшая мало внимания лекции отца о старинной вещи, выразила живое удовольствие при появлении Леонарда. Радостно вскочив со своего места и покраснев, она бросилась к нему со словами: «О, Леонард, дорогой Леонард!».

М-р Бич обратил свои очи на дочь и произнес внушительно одно только слово: Джен! – таким тоном, в котором счастливо сочетались отеческий упрек и дружеское предостережение. Джен внезапно остановилась, словно вспомнив недавний урок. Тогда м-р Бич, поставив чашу на стол, приблизился к Леонарду с широкой улыбкой сострадания и протянутой рукой.

– Как вы поживаете, мой милый? – произнес он. – Мы не ожидали...

– Видеть меня при настоящих обстоятельствах? – перебил его Леонард. – Я узнал, – продолжал он, – что аукцион, отсроченный на три дня, не закончен и сегодня!

– Да, Леонард, совершенно верно. Сначала была назначена трехдневная распродажа, но аукционист нашел, что за это время он не может покончить со всем делом. Движимость такого древнего дома, как Утрам-Холл, конечно, должна быть огромна! – и м-р Бич сделал рукою широкий жест.

– Да! – сказал Леонард.

- Гм... - продолжал м-р Бич после паузы, которая начинала становиться неловкой. - Все-таки, вас можно поздравить с тем, что, в общем, вещи продавались хорошо. Не всегда случается, что такие коллекции редкостей дорого оцениваются на публичных аукционах, хотя для самих владельцев они и представляли большую ценность. Да, они продавались очень хорошо, главным образом, благодаря многочисленным покупкам нового владельца поместья. Вот, например, эта чаша, купленная мною... гм... как маленькая память о вашей семье, стоила мне всего десять шиллингов за унцию!

- В самом деле? - холодно отвечал Леонард. - Я всегда думал, что она стоит пятьдесят!

Наступила новая пауза, во время которой все присутствующие, за исключением м-ра Бича и Леонарда, один за другим поднялись со своих мест и оставили комнату. Джен ушла последней со слезами на глазах, как заметил Леонард, когда она проходила мимо него.

- Джен! - произнес значительно ее отец, когда молодая девушка была уже у двери. - Позаботься вовремя одеться завтра к обеду. Вспомни, что у нас будет молодой м-р Коген!

Вместо ответа на это замечание Джен ушла, хлопнув дверью. Очевидно, предстоявшее прибытие гостя не было особенно приятно для нее.

- Да, Леонард, - продолжал м-р Бич, когда они остались одни, тоном, выражающим участие, но который все же страшно резал ухо его слушателя, - печальное событие, печальное. Но что же вы не сели?

- Потому что меня никто не приглашал! - отвечал Леонард, беря стул. - Гм... - продолжал м-р Бич, - кажется, м-р Коген ваш друг, не правда ли?

- Знакомый, а не друг! - сказал Леонард.

- В самом деле? Если не ошибаюсь, вы учились с ним в одном колледже?

- Да, но я не любил его!

– Предубеждение, мой дорогой, предубеждение, – небольшой грех, конечно, но все же вам следует бороться с ним. Правда, вполне естественно, что вы не можете тепло относиться к человеку, который будет на днях собственником Утрам-Холла. Ах, как я уже сказал, все это очень печально, но для вас большое утешение в том, что по продаже всего можно будет покрыть полностью долги вашего несчастного отца. А теперь скажите, не могу ли я сделать чего-нибудь для вас или вашего брата?

Леонард подумал, что каковы бы ни были проступки его отца, все же едва ли намек на них был уместен в устах м-ра Бича, обязанного всем на свете его добротой. Но он не стал ничего говорить в защиту своего отца, – это было бесполезно, а перешел прямо к собственным делам.

– Да, м-р Бич, – сказал он серьезно, – вы можете оказать мне большую услугу. Вы знаете жестокое положение, в которое попали я и мой брат, без всякой вины с нашей стороны: наш старый дом продан, наши средства исчезли, и наше честное имя запятнано. В настоящее время у меня осталось всего 200 фунтов, сохраненных мною. У меня нет профессии, и я не могу даже закончить своего образования, не имея средств заплатить за пребывание в колледже!

– Плохо, должен сказать, очень плохо, – пробормотал м-р Бич, потирая подбородок. – Но при настоящем положении дел чем же я могу помочь вам? Вы должны уповать на Провидение; оно никогда не покидает достойных!

– Вы можете помочь мне, – отвечал взволнованно Леонард, – оказав мне доверие объявлением о моей помолвке с Джен!

М-р Бич сделал движение рукою, как бы отмахиваясь от надоедавшего ему сумасшедшего.

– Подождите, – продолжал Леонард, – я знаю, что прошу многого, но слушайте. Хотя все и обстоит мрачно, но у меня осталась вера в себя. С той поддержкой, которую даст мне любовь вашей дочери, и зная, что для получения ее руки я должен буду сначала достичь того положения, какого достоин Джен, я совершенно убежден, что буду способен собственными силами преодолеть все трудности!

– Ну, я не могу больше слушать такой вздор! – вскричал гневно м-р Бич. – Леонард, это наглость! Конечно, все отношения, существовавшие до сих пор между вами и Джен, должны прекратиться. Помолвка! Я не слыхал ни о какой помолвке. Мне известно, что между вами и Джен были действительно какие-то детские глупости, но я не придавал им никакого значения!

– Вы, кажется, забыли, сэръ, – сказал Леонард, с трудом сдерживая раздражение, – что не далее, как шесть месяцев тому назад, между вами и мною был разговор по этому поводу, во время которого было решено, что я не буду говорить ничего моему отцу до получения степени!

– Повторяю вам, что это наглость, – отвечал энергично м-р Бич, уклоняясь от прямого ответа. – Как! Вы, не имеющий ничего на свете, кроме имени, которое ваш отец... ну, запятнал, – употребляю ваше же выражение, – вы просите у меня руки моей дорогой дочери? Вы настолько эгоистичны, что не только хотите разрушить ее счастье, но и увлечь ее в бездны вашей бедности. Леонард! Я никогда не ожидал этого от вас!

Наконец Леонарда взорвало.

– Вы говорите неправду. Я просил у вас не руки вашей дочери, а только обещания ее, когда я стану достойным этой чести. Но теперь все кончено. Я уйду, как вы того требуете, но прежде скажу вам всю правду. Вы желаете воспользоваться красотой Джен, чтобы залучить этого еврея. О ее счастье вы не думаете, рассчитывая просто на его деньги. Она мягкого характера, и очень возможно, что вам удастся ваш замысел, но это не принесет вам счастья. Вы, обязанный всем нашей семье, теперь, когда несчастье обрушилось на нас, лишаете меня единственного сокровища, которое еще оставалось у меня. Разрывая связь, о которой все знали, вы толкаете нас еще глубже в грязь. Пусть будет так, но я уверен, что такое поведение найдет должное возмездие, и придет время, когда вы будете горько раскаиваться в том, что так поступили с вашей дочерью и отвернулись от меня в несчастье. Прощайте!

С этими словами Леонард, повернувшись, оставил комнату и жилище м-ра Бича.

II. Клятва

Артур Бич, брат Джен, стоял в передней, ожидая выхода Леонарда, но последний прошел мимо него, не сказав ни слова, и захлопнул за собой дверь. На дворе шел снег, но не такой густой, чтобы затмить свет луны, пробивавшийся сквозь чащу елей.

Леонард пошел по аллее к воротам и внезапно услышал глухой шум за собой. Он обернулся с неудовольствием, думая, что за ним следует Артур Бич. В эту минуту он был совсем не намерен продолжать разговор с кем-либо из мужчин этой семьи. Но неудовольствие его превратилось в радость, когда он очутился лицом к лицу не с Артуром Бич, а с самой Джен, лицо которой никогда не казалось ему таким прекрасным, как сейчас, при падавшем снеге и лунном свете. Впоследствии, когда бы ни думал Леонард о ней, – а это случалось часто, – в его воображении вставал образ прелестной высокой девушки, с каштановыми волосами, слегка припорошенными снегом, с тяжело поднимавшейся от волнения грудью и большими серыми глазами, с состраданием глядевшими на него.

– О, Леонард! – взволнованно проговорила она. – Почему вы ушли, не попрощавшись со мной?

Он смотрел на нее молча, прежде чем отвечать, и что-то в его сердце сказало ему, что он в последний раз смотрит на любимую девушку.

Наконец он заговорил, и слова его были весьма прозаичны:

– Вам не следовало идти по снегу в этих тонких ботинках, Джен. Вы можете простудиться!

– Я хочу, чтобы это случилось, – с отчаянием отвечала она, – я хочу простудиться насмерть; по крайней мере, тогда моя тревога исчезнет. Пойдем в беседку; никто не подумает искать нас там!

– Как вы пойдете туда? – спросил Леонард. – Отсюда до беседки сто ярдов, и снег везде покрыл дорожки!

– О, ничего, что снег! – отвечала она. Но Леонард думал иначе, однако, тотчас нашел выход из затруднительного положения. Убедившись сначала, что на

аллее никого не было, он наклонился и без всяких объяснений и извинений, подняв Джен на руки, как ребенка, пошел с нею по дорожке к беседке. Она была тяжела, но он желал, чтобы этот переход продолжался как можно дольше.

Вот они оба в беседке. Леонард поцеловал Джен в губы и уселся у ее ног. Затем, сняв свое пальто, он набросил его на плечи девушке.

За все это время Джен не произнесла ни слова. Бедная девушка почувствовала себя настолько счастливой на руках у любимого человека, что ей больше ничего не было нужно.

Леонард первый прервал молчание.

- Вы спросили меня, почему я ушел, не простившись с вами, Джен? Это потому, что ваш отец отказал мне от дома и запретил иметь что-либо общее с вами!

- Почему же? - спросила девушка, заломив в отчаянии руки.

- Разве вы не догадываетесь? - отвечал он с горьким смехом.

- Да, Леонард! - простонала она, сочувственно пожав ему руку.

- Быть может, лучше прямо сейчас выяснить все, - произнес снова Леонард, это может устранить различные недоразумения. Ваш отец отказал мне от дома потому, что мой отец растратил состояние. Грехи отцов падают на детей, как видите. Сделал он это с большей, чем обычно, решительностью и быстротой потому, что желает выдать вас замуж за молодого м-ра Когена, ростовщика и будущего владельца Утрама!

Джен вздохнула.

- Знаю! Знаю! - сказала она. - О, Леонард, я ненавижу его!

- В таком случае, лучше не выходить за него! - отвечал он.

- Я скорее умру! - решительно произнесла она.

– К несчастью, не всегда можно умереть, когда хочешь!

– О, Леонард, не будьте таким ужасным, – вскричала она. – Что будет с вами, и что мне теперь делать?

– Меня ждет, вероятно, очень печальная судьба, – отвечал он, – но, в конце концов, все зависит от вас. Смотрите, Джен! Я люблю вас, охотно пошел бы на смерть за вас, и если вы будете верны мне, то я всегда останусь верен вам. Счастье пока отвернулось от меня, но я могу снова вернуть его, это вопрос времени, однако быть может, не одного года!

– О, Леонард, конечно, я сделаю все, что могу. Я уверена, что вы любите меня не больше, чем я вас, но только вы не можете понять, как они все настраивают меня против вас, особенно папа!

– Хорошо, Джен, – сказал Леонард, – дело вот в чем: или вы должны положить конец их настояниям, или отказаться от меня. Послушайте: через шесть месяцев вам будет двадцать один год, и тогда никакие силы на свете не могут принудить женщину выйти замуж против ее желания, или помешать ее замужеству с избранным ею человеком. Затем, вы знаете мой клуб в городе. Письма, адресованные туда, всегда дойдут до меня, а ваш отец вряд ли сможет помешать вам написать письмо и опустить его в почтовый ящик. Если вы будете нуждаться в моей помощи или захотите, так или иначе, быть со мной, то вам достаточно написать мне, и я вас увезу и женюсь на вас тотчас же, как только вы достигнете совершеннолетия. Если, с другой стороны, я не получу от вас никаких известий, то буду знать, что вы не нашли нужным мне писать, или могли бы написать только то, что мне было бы тяжело читать. Вы меня поняли, Джен?

– О, да, Леонард! Но как безотрадно вы смотрите на все!

– Мои обстоятельства так же безотрадны, моя милая: притом, я должен быть откровенным – ведь это у меня последняя возможность говорить с вами!

В этот момент резкий голос раздался в ночной тишине; то был голос м-ра Бича, звавшего издали дочь: Джен! Где ты?

– О, Боже! – сказала она. – Это мой отец зовет меня. Я вышла через заднюю дверь, но, должно быть, мама зашла в мою комнату и увидела, что я вышла. Целый день она не спускает с меня глаз; что мне делать?

– Вернуться домой и сказать им, что вы прощались со мной. Это не преступление; не убьют же вас за это!

– Они сделают хуже! – отвечала Джен, – и, внезапно обвив руками шею Леонарда, она спрятала свое прекрасное лицо у него на груди, горько рыдая и приговаривая: О, милый, милый, что я буду делать без вас?

При виде этой скорби, Леонард забыл горькие мысли и, смешивая свои слезы со слезами Джен, принялся целовать и утешать ее. Наконец, Джен оторвалась от Леонарда, так как м-р Бич продолжал звать ее все настойчивее.

– Я забыла, – пробормотала она, – вот мой прощальный подарок для вас, Леонард; сохраните его на память обо мне! – и, вынув из своего лифа маленький пакет, она отдала его Леонарду.

Еще раз они склонились друг к другу; последний поцелуй, – и в следующий миг она исчезла в темноте, скрывшись из глаз Леонарда на всю жизнь, хотя в его памяти она осталась навсегда.

«Прощальный подарок... сохраните его на память обо мне!» – эти слова звучали в его ушах печальным пророчеством.

Тяжело вздохнув, он открыл пакет и рассмотрел его содержимое при слабом свете луны: то был переплетенный в кожу молитвенник, ее собственный, с ее именем на заглавном листе и короткой надписью внизу; в боковом кармашке переплета лежал локон каштановых волос, перевязанный шелковинкой.

– Несчастливый подарок! – сказал сам себе Леонард, и, надев свое пальто, еще теплое от плечей Джен, пошел к воротам и вскоре исчез в темноте, направив свои стопы к сельской гостинице. Он скоро подошел к ней и, войдя в общий зал, прошел в маленькую комнату, примыкавшую к нему. Когда Леонард вошел, в комнате не горела лампа, но было довольно светло от яркого огня в камине, перед которым в высоком кресле сидел его брат, задумчиво смотревший на огонь.

Томас Утрам был старше Леонарда двумя годами, более слабого телосложения, чем его младший брат, с мечтательным выражением лица, большими задумчивыми глазами и нежным, как у ребенка, ртом. Он был хорошо образован, начитан, с утонченным вкусом.

- Это ты, Леонард? - сказал он, рассеянно взглянув на брата. - Где ты был?

- В пасторате! - отвечал его брат.

- Что же ты там делал?

- Ты хочешь знать?

- Конечно. Видел Джен?

Леонард рассказал ему все, что произошло в доме у м-ра Бича.

- Что же, ты думаешь, она будет делать? - спросил Том, когда его брат окончил свой рассказ.

- По моему мнению, она сделает то, чего можно ожидать от любой женщины на ее месте, т. е. бросит меня!

- Ты, кажется, дружище, невысокого мнения о женщинах. Я мало знаю их, да, вероятно, и не узнаю более; но мне всегда казалось, что в том-то и состоит достоинство их пола, что они умеют быть твердыми в подобных исключительных обстоятельствах!

- Ну, это мы увидим. Я полагаю, что женщины думают более всего о своих собственных удобствах, чем о счастье кого бы то ни было. Но, слава Богу, вот нам несут ужин!

Так говорил Леонард несколько цинично, и, быть может, не совсем искренно.

Несмотря на свое кажущееся удовольствие при виде ужина, он едва притронулся к нему. В самом деле, молодой человек был достоин сострадания.

Он стал жертвой страшного разорения; поступок отца, запятнавшего честь всей семьи, бросил тень и на него. Наконец, новое несчастье поразило его: ему позорно было отказано от того дома, где он до сих пор был самым желанным гостем; и в довершение всего он расстался с женщиной, которую горячо любил, расстался при таких обстоятельствах, которые делали эту разлуку почти наверняка окончательной.

Леонард обладал даром понимания человеческого характера и таким благоразумием, которого трудно было ожидать от влюбленного молодого человека. Он хорошо знал, что основной чертой характера Джен было стремление покоряться обстоятельствам и неспособность преодолевать препятствия. Благоразумие же подсказывало ему, что покорность отцу со стороны Джен будет самым лучшим для нее выходом. В самом деле, что он, Леонард, может теперь предложить ей, и не сон ли все его мечты о будущем благополучии? Как ни грубо м-р Бич высказал свои мысли, все же он, пожалуй, прав в том отношении, что он, Леонард, эгоист и наглец; в самом деле, разве не эгоизм и не наглость предлагать женщине связать с ним свою судьбу при настоящем положении его дел?

Когда со стола было убрано и они очутились снова одни в комнате, Том спросил у брата, печально курившего трубку:

– Что мы будем делать сейчас, Леонард?

– Ляжем спать, я полагаю! – отвечал тот.

– Слушай, Леонард, – произнес его брат. – Не бросить ли нам последний взгляд на наше старое жилище?

– Если ты хочешь, Том, но это будет тяжело!

– Одной неприятностью больше, одной меньше – безразлично, дружище! – произнес Том, положив свою тонкую руку на плечо брата.

Оба вышли из дома и через четверть часа ходьбы очутились у замка. Снег перестал идти, и ночь была светлая. Тем не менее, она скрывала от глаз посторонних тот беспорядок, который царил в Утрам-Холле после аукциона, придавая ему днем самый безотрадный вид.

Никогда старый дом не выглядел более величественным, никогда более красноречиво не говорил о прошедшем двум братьям, лишившимся своего наследственного владения. Они в молчании обошли вокруг дома, с любовью вглядываясь в каждое хорошо знакомое дерево, в каждое окно и, наконец, подошли к главному входу. Скорее машинально, нежели сознательно, Леонард повернул ручку двери. К его удивлению она открылась. Очевидно, в суматохе аукциона никто не позаботился запереть ее.

- Войдем! - сказал Леонард.

Братья вошли и стали переходить из одной комнаты в другую, пока не добрались до большой залы, - обширной, отделанной под дуб комнаты, с большим окном. Цветные стекла этого окна были покрыты изображениями гербов мужских и женских представителей разных поколений рода Утрамов. Два стекла оказались свободны от рисунков: на них должны были находиться гербы Томаса Утрама и его жены.

- Они не будут заняты теперь, Леонард! - сказал Том, указывая на свободные стекла. - Интересно, не правда ли, чтобы не сказать - печально?

- Не знаю, - отвечал его брат, - я думаю, что эти Когены тоже будут кичиться каким-либо гербом, если они купят его!

Оба брата замолкли и при лунном свете, падавшем через цветные стекла, глядели на памятники былого величия - гербы и портреты многих умерших представителей рода Утрамов, смотревшие на них со стен.

- *Per ardua ad astra*, - сказал Том, рассеянно читая семейный девиз, замененный некоторыми членами рода другим - за честь, дом и любовь.

- *Per ardua ad astra* - через тернии к звездам и за честь, дом и любовь, - повторил Том. - Если в девизах можно искать утешение, то скорее всего в этих двух: ваша любовь разбита, наш дом отнят и наша честь запятнана. Но нам остается еще - «борьба и звезды»!

В то время как Том говорил это, на лице его отразился энтузиазм:

– Леонард, – воскликнул он, – почему бы нам не восстановить прошедшее? Будем руководствоваться этим девизом, более древним – Per ardua ad astra!

– Я верю, что он обещает одному из нас счастье. Отчего не попробовать, – отвечал Леонард. – Если мы падём в борьбе, то все-таки звезды останутся у нас, как и у всего человечества!

– Леонард, – проговорил его брат почти шепотом, – хочешь ли ты произнести вместе со мною клятву? Это, может быть, детская мысль, но при некоторых обстоятельствах в таких-то мыслях и скрывается мудрость!

– Какую клятву? – спросил Леонард.

– Вот какую: поклянемся, что покинем Англию и будем искать богатства на чужбине, чтобы иметь возможность выкупить наш родовой замок, что мы до тех пор не вернемся сюда, пока не достигнем своей цели, и что одна смерть может положить конец нашим стремлениям!

Леонард, помедлив одно мгновение, отвечал:

– Если Джен потеряна для меня, то ничто не может помешать мне произнести эту клятву!

Затем Том, в сопровождении своего брата, направился в середину зала, где на большом пюпитре лежала старинная библия. Положив руки на священную книгу, он начал произносить слова клятвы громким голосом, не оставлявшим никакого сомнения в серьезности его намерений и полным веры в себя.

– Клянемся этой священной книгой и Богом, создавшим нас, что оставим этот дом, принадлежавший нам, и никогда больше не взглянем на него до тех пор, пока он опять не станет нашим. Клянемся, что будем стараться достичь этой цели нашей жизни, пока смерть не уничтожит нас, и пусть позор и нищета поразят нас, если мы, будучи в здравом уме и полные сил, откажемся от этой клятвы. В этом помоги нам, Боже!

– В этом помоги нам, Боже! – повторил Леонард.

Так в доме своих предков, перед лицом Творца и перед портретами умерших представителей рода, Томас и Леонард Утрамы посвятили себя великой цели.

Быть может, как сказал один из них, их замысел казался просто детской мыслью, но при всем том он был трогателен.

На следующий день они отправились в Лондон, где прожили несколько дней, но ни одной строки не пришло от Джен Бич; плохо ли, хорошо ли, но цепь клятвы, произнесенной Леонардом, обвилась вокруг его шеи.

Три месяца спустя оба брата приближались к берегам Африки, к земле «Людей тумана».

III. Семь лет спустя

– Сколько времени, Леонард?

– Семь часов, Том.

– Уже семь? На заре я умру, Леонард!

– Ради Бога, не говори так, Том. Если ты все время будешь думать о смерти, то действительно умрешь!

Больной глухо засмеялся.

– Не в словах дело, Леонард. Я чувствую, что моя жизнь угасает, как догорающий огонь. Мой ум еще совершенно ясен, но тем не менее я умру на заре. Лихорадка совсем изнурила меня. Я бредил, Леонард?

– Немного, дружище! – отвечал Леонард.

– О чем я говорил?

- Больше всего о доме, Том!

- О доме! У нас его нет, Леонард. Он продан. Сколько времени мы находимся на чужбине?

- Семь лет!

- Семь лет! Да! Ты помнишь, как мы прощались с нашим старым домом в ту зимнюю ночь после аукциона? Помнишь, что мы тогда решили?

- Да!

- Повтори это!

- Мы поклялись, что будем стараться разбогатеть, чтобы выкупить Утрам, и что одна только смерть может освободить нас от этой клятвы. Мы поклялись, не достигнув нашей цели, не возвращаться в Англию. Затем мы отправились в Африку. В течение семи лет мы старались обрести богатство, но у нас едва хватает средств, чтобы поддерживать свое существование!

- Леонард! Теперь ты единственный наследник нашей клятвы и нашего древнего имени, по крайней мере, через несколько часов будешь им. Я старался исполнить мой обет до самой смерти. Ты освободишься от клятвы, когда достигнешь цели, или умрешь. Борьба досталась мне в удел, быть может, ты достигнешь звезды. Будешь ли ты стремиться к нашей цели, Леонард?

- Да, Том!

- Дай мне руку в знак этого, дружище!

Леонард Утрам наклонился к умирающему брату, и оба они пожали друг другу руки.

- Теперь я засну; я утомлен. Но ты не бойся, я проснусь перед... концом.

Едва последние слова слетели с его уст, как глаза закрылись, и он впал в оцепенение или сон.

Леонард сел на пустой бочонок от джина, заменявший стул. Шум бури доносился в кафрскую хижину, построенную из травы и веток, где братья нашли себе приют. Ветер проникал в нее через сотню отверстий, колебля пламя лампы и поднимая со лба больного волосы. Время от времени дождь принимался ливнем лить, и вода через травяную крышу хижины стекала на земляной пол. Леонард подошел к двери хижины или, скорее, к низкому полукруглому отверстию, служившему дверью, и отодвинул доску, прикрывавшую его. Хижина их стояла на склоне большой горы, у подошвы которой было море кустарников, а кругом виднелись фантастические очертания гор. Черные облака закрывали лунный диск, но по временам небо прояснялось; тогда окружающая местность открывалась во всей ее необъятности и ужасающей пустынности.

Леонард закрыл дверное отверстие и, вернувшись к своему брату, пристально посмотрел на него. Несколько лет тяжелых трудов и лишений не стерли с лица Томаса Утрама его удивительной красоты, но отпечаток смерти был сейчас на нем.

Леонард вздохнул, и, пораженный какой-то мыслью, отыскал кусок зеркала. Поднеся его близко к свету лампы, он стал всматриваться в свои собственные черты. В зеркале отражался красивый человек, с бородой, загорелый, со смелым взглядом, присущим тому, кто привык к постоянным опасностям, кудрявыми волосами и широкими плечами; не особенно высокий, но с мощным телосложением. Хотя он был еще молод, но мало юношеского осталось в его облике; конечно, труд и борьба наложили на него отпечаток, закалив его. Лицо имело доброе выражение, но большинство людей предпочли бы видеть дружбу в этих пронизательных черных глазах, нежели искру вражды. Леонард был опасный враг, и его долгая борьба со светом заставляла его иногда видеть врагов там, где они не существовали.

Несколько часов просидел Леонард в задумчивости у постели брата, всматриваясь в его лицо, которое то оставалось спокойным и бледным, то вспыхивало и казалось тревожным.

Наконец, Томас Утрам открыл глаза и посмотрел на Леонарда, но последний знал, что брат его видит не таким, каким он был на самом деле. Глаза умирающего пылливо глядели на него, и Леонард чувствовал, что тот видит в его лице что-то такое, что не могло быть видно никому другому. Этот испытующий взгляд был так странен, что Леонард не мог его выдержать и

окликнул брата, но не получил ответа, а большие глаза умирающего продолжали читать в той книге, которая скрыта для живых, но совершенно понятна для умирающих.

Зрелище смерти всегда страшно; страшны последние вспышки жизни, эта борьба с телом духовного и вечного начала, назовем ли его душою, или как-нибудь иначе.

Леонард видел смерть в самых ужасных ее проявлениях, однако никогда не чувствовал такого ужаса, как теперь. Что прочел брат или дух брата на его лице?

Леонард постарался подавить в себе страх.

- Мои нервы расшатаны, - подумал он. - Он умирает. Как я вынесу зрелище его смерти?

Порыв ветра потряс хижину, вырвав часть веток, из которых состояла крыша. Тонкая струя дождя порвалась через образовавшееся отверстие и упала на лоб больного; капли дождя, подобно слезам, скатились по его бледным щекам. Тогда странный взгляд больного принял более естественное выражение, губы приоткрылись.

- Воды! - пробормотал умирающий.

Леонард дал ему пить, одною рукою поднеся кружку к его рту, а другою поддерживая голову умирающего. Том сделал два глотка и затем внезапным движением своей ослабевшей руки выбил кружку, которая упала на пол.

- Леонард, - сказал он, - ты добьешься успеха!

- Успеха в чем, Том?

- Ты станешь богат, выкупишь Утрам и продолжишь наш род, но этого достигнешь ты не один. Женщина поможет тебе!

Затем его мысли несколько смешались, и он пробормотал:

– Как поживает Джен? Слышал ли ты о ней?

При этом имени лицо Леонарда смягчилось, но тотчас же сделалось суровым и озабоченным.

– Я не слышал ничего о Джен, дружище, все эти годы, – отвечал он. – Вероятно, она или умерла, или вышла замуж!

– Слушай, – отвечал Том, оправляясь от своего забытья. – Я скоро умру. Ты знаешь, что умирающие иногда видят далеко. Мне снилось, или я прочел на твоём лице, вот что: ты умрешь в Утраме. После моей смерти останься на этом месте некоторое время. Останься здесь, Леонард!

Ослабев, Том опрокинулся навзничь, и в это время сильный порыв ветра потряс хрупкую хижину, разрушив восточную стену. Кобра, скрывавшаяся в густых ветвях, которыми были покрыты стены хижины, с мягким шорохом упала на пол, на расстоянии не более фута от лица умирающего; вытянувшись на полу и зашипев, она высунула свой гибкий язык и раздула в бешенстве пасть. Леонард отскочил назад и схватил лежавший вблизи лом, но прежде чем он успел ударить змею, пресмыкающееся опустилось на пол и, скользнув своим чешуйчатым телом по лицу умирающего, спряталось опять в ветвях. Но Томас Утрам не видел ничего и не шевелился даже, когда тело отвратительного пресмыкающегося скользнуло по его лицу. Тяжелое, порывистое дыхание указывало на скорую развязку. На душе у Леонарда сделалось чрезвычайно тяжело; он обнял брата и в первый раз за многие годы поцеловал его в лоб.

Умирающий открыл глаза. На востоке занималась заря. Вершины гор загорались пламенем.

Томас Утрам при виде этого, поднявшись на колени, протянул руки к восходящему солнцу, шевеля губами. Затем он упал на грудь Леонарда, и все было кончено.

IV. Похороны

Долго Леонард сидел у тела брата. Наступил день. Круглый диск солнца поднялся высоко над горами.

Буря затихла и, если бы не было обломков полуразрушенной хижины, то с трудом можно было бы поверить, что она недавно свирепствовала. Насекомые принялись за свое стрекотанье; ящерицы выползали из щелей скал; омытые дождем цветы горных лилий резко бросались в глаза своею яркою окраской.

Леонард продолжал сидеть с выражением горя на лице, когда на него сверху упала какая-то тень. Он взглянул вверх и заметил коршуна, реявшего над местом смерти.

Схватив свое заряженное ружье, Леонард вскочил на ноги. Птица приближалась, описывая круги в воздухе. Леонард схватил ружье, прицелился и выстрелил. Выстрел гулко раздался в тишине, и звук его был повторен эхом в горах. Птица некоторое время оставалась неподвижною в воздухе и затем тяжело рухнула на землю, ударившись своим могучим клювом о камни:

- Итак, я еще могу убивать, - проговорил про себя Леонард, заметив результат своего выстрела. - Убивай, чтобы не быть самому убитым - таков закон жизни!

После этого он повернулся к телу брата, закрыл ему глаза и сложил крестом на груди его исхудалые руки.

- Где же, однако, эти кафры? - громко произнес он, внезапно вспомнив о своих слугах, которых что-то долго не было видно.

- Эй, Оттер, Оттер!

Эхо повторило в горах эти слова, но на зов Леонарда никто не явился. Он вторично окликнул своих слуг, но тоже безрезультатно.

- Хоть и нельзя уходить отсюда, - произнес Леонард, - однако, надо посмотреть в чем дело.

Покрыв тело брата красным одеялом, чтобы защитить от коршунов, он решил обойти скалы, окаймлявшие маленькое плато, на котором стояла хижина. За

ними плато продолжалось, и шагах в пятидесяти от скал, в склоне горы, было углубление, образованное выветриванием мягкой породы камня. В этом углублении, или гроте, кафры – их было четверо – спали и тут же имели обыкновение разводить огонь для приготовления пищи. Но в это утро огонь не горел, и в гроте никого не было видно.

– Еще спят, – подумал Леонард, направляясь к гроту. В следующий момент он громко позвал: «Оттер, Оттер!» – и сильно толкнул лежавшую у входа в грот массу. Но она не двигалась, хотя толчок был достаточно силен для того, чтобы разбудить самого ленивого дикаря, погруженного в глубочайший сон. Леонард стал всматриваться в лежавшего и в следующий момент отпрянул назад, воскликнув:

– Боже! Это Чит – мертвый!

В это время глухой голос раздался из глубины грота, голос Оттера, проговорившего по-голландски:

– Я здесь, баас пусть баас развяжет меня; а то я не могу шевельнуться!

Леонард вошел в глубину грота и увидел Оттера со следами страшных побоев на лице и на всем теле, связанного по рукам и ногам. Вынув нож, Леонард перерезал связывавшие Оттера веревки и вывел его из грота. Это был карлик-кафр, ростом немногим более 4 футов, найденный братьями умирающим с голода в пустыне. Взятый ими, он служил им верой и правдой в течение нескольких лет. Братья окрестили его Оттер (по-английски – выдра), во-первых, потому, что его настоящее имя европейцу почти невозможно было выговорить, а, во-вторых, из-за его необыкновенного умения плавать, почти равнявшегося способностям того животного, имя которого ему дали. Лицо его безобразно, но в этом безобразии не было ничего отталкивающего. Несмотря на свой маленький рост, Оттер имел необыкновенно большую голову, длинные руки и огромный нос. Все члены его тела доказывали большую физическую силу.

– Что случилось? – спросил Леонард по-голландски.

– Вот что, баас. Прошлой ночью эти три негодяя, базуто, твои слуги, задумали убежать. Мне они ничего не сказали и были так осторожны, что, хотя я и следил даже за их мыслями, однако ни о чем не мог догадаться. Дождавшись, пока я

крепко заснул, они связали меня, так что могли взять ружье бааса Тома, которое ты поручил мне, и другие вещи. Скоро я понял их намерение, и мое сердце кипело от бешенства. Связав меня, собаки-базуто стали смеяться мне в лицо, ругая меня и говоря, что я могу теперь умереть с голоду вместе с моими глупыми белыми господами, которые ища повсюду желтого железа, по своей глупости, нашли его очень мало. Затем они поделили между собой все ценные вещи, и перед тем, как уйти, каждый из них подходил ко мне и бил по лицу, а один прижег мне нос горячей головней!

– Все это я терпеливо переносил, да когда Чит взял ружье бааса Тома, а другие хотели привязать меня к скале, я не мог более терпеть. Бросившись на Чита, я с силою ударил его своею головою в середину тела, так что он отлетел в сторону и хлопнулся о скалу, не произнеся ни звука! А! Они забыли, что если мои руки крепки, то голова еще крепче. Тогда двое других бросились на меня, и я, имея руки связанными, не мог защищаться. Боясь, что они скоро убьют меня, я со стоном упал на землю и притворился мертвым. Думая, что они покончили со мною, базуто поспешно ушли, опасаясь, что вы услышите шум и будете догонять их. В этой поспешности они даже оставили ружье и многие другие вещи. Вот и все. Я думаю, баас Том будет рад, что я спас его ружье. Когда он узнает об этом, то забудет свою болезнь и скажет:

– Молодец, Оттер, твоя головка крепка!

– Баас Том умер, – отвечал Леонард с печальной улыбкой. – Он умер на рассвете на моих руках. Лихорадка убила его, как других «инкузис» (начальников)!

Оттер, услышав печальную весть, опустил голову на грудь и некоторое время не произносил ни слова. Наконец он взглянул на Леонарда, и последний заметил две слезы, скатившиеся по лицу карлика.

– Как? – воскликнул он. – Ты умер, мой отец, храбрый, как лев, и красивый, как девушка! Да, ты умер, мои уши слышали это, и если бы не твой брат, баас Леонард, то я убил бы себя, чтобы последовать за тобою!

– Пойдем, – сказал Леонард, – я не могу оставлять его надолго!

Леонард вернулся к телу своего брата. Оттер шел за ним. Приблизившись к телу Томаса Утрама, Оттер сделал рукою приветственный знак, проговорив:

– Начальник и отец, когда ты жил на земле, ты был добрый и храбрый человек, хотя немного вспыльчивый и иногда капризный, как женщина. Теперь ты удалился с этого света и улетел, подобно орлу, к солнцу. Живя там, ты будешь еще храбрее, еще лучше и терпеливее к тем, кто менее чист, чем ты. Отец и начальник! Приветствую тебя. О, если бы тот, кого ты назвал Оттером, мог служить тебе и «инкузи» – твоему брату – в жилище Высочайшего, если такое существо, как я, может войти туда! Что же касается собаки-базуто, который хотел украсть твое ружье, то я убил его в счастливый час. Он будет твоим рабом в доме Высочайшего. Ах! Если бы я знал, то послал бы лучшего человека. Слава тебе, отец мой! Прощай, и пусть твой дух будет милостив к нам, которые любят тебя!

Проговорив это, Оттер отошел от тела и, обмыв свои раны, принялся за приготовление пищи. После обеда Леонард и Оттер перенесли тело Тома в грот, убрав оттуда труп базуто, который Оттер без церемоний спрятал в расщелине скалы. Леонард остался у тела брата, а Оттер, взяв с разрешения Леонарда ружье Тома, ушел на охоту, надеясь подстрелить горную козу.

Леонард, отпуская карлика, приказал ему к вечеру вернуться назад.

– Где мы будем рыть могилу, баас? – спросил, уходя, Оттер.

– Она уже готова, – отвечал Леонард. – Умерший сам ее вырыл, подобно многим здесь. Мы похороним его в последней яме, вырытой им в поисках золота. По правую руку от того места, где стояла хижина. Она достаточно глубока!

– Да, баас, хорошее место, хотя, быть может, баас Том не так бы тщательно работал, если бы знал, для чего она послужит; кто знает, чему служат наши работы? Но эта дважды обваливалась, когда баас рыл ее...

– Я уже устроил все, – сказал коротко Леонард. – Ступай и будь здесь за полчаса до заката солнца, по крайней мере. Да, если можешь, то принеси еще горных лилий. Баас Том любил их!

Карлик поклонился и вышел.

– А, – начал он говорить сам с собой, направляясь к подошве холма, где надеялся найти дичь, – ты не боишься мертвых, а живых тем более. Однако, Оттер, баас Том мертвый теперь так страшен, он, который при жизни был так мил! Чит не выглядел страшным, только еще безобразнее. Но ведь Чита убил ты, а бааса Тома убило небо, положивши на него свою печать. Что теперь будет делать баас Леонард, когда его брат умер и базуто убежали? Идти рыть золото, найти которое так трудно, а найдя, нельзя долго сохранить? Но тебе-то что до этого, Оттер? Что тебе за дело до того, что делает баас? Смотри, вот следы козы!

День выдался чрезвычайно жаркий. В это время стояло лето в Восточной Африке, или, скорее, – осень, пора лихорадок, гроз и ливней, в течение которого только люди, дешево ценившие свою жизнь, могли жить в этих широтах, ища золото, со скудными запасами пищи и почти не находя возможности найти себе приют. Но искатели счастья не особенно ценят жизнь, как собственную, так и чужую. Они делаются фаталистами, быть может, бессознательно, полагая, что, кому суждено, тот умрет, а остальные останутся живы, несмотря ни на что.

Когда Леонард Утрам, его брат и два их товарища по приключениям услышали от туземцев об одном месте в горах, богатом золотом и находящемся номинально на Португальской территории, у ближнего рукава Замбези, то, с помощью двух ружей и собаки они получили концессию от хозяина этой территории на разработку руды. Несмотря на нездоровое время года, они не отложили своего мероприятия из опасения, что кто-нибудь другой за три ружья и за две собаки убедит начальника территории отнять у них концессию в его пользу. Поэтому они трудолюбиво принялись за работу, и сначала счастье сопутствовало им. Им попало даже несколько самородков. Надежды их окрепли, но сначала один из компаньонов, по имени Аскью, заболел лихорадкой и умер, а за ним погиб и второй компаньон – Джонстон. После этого Леонард хотел было уже бросить дело, но, словно по воле судьбы, на следующий же после смерти Джонстона день, они нашли золото в таком значительном количестве, что Томас, надеясь вскоре достичь богатства, и слышать не хотел о прекращении работ.

Тогда они перенесли свое жилище на более возвышенное и здоровое место и остались. Но в один несчастный день Томас Утрам, заблудившись на охоте, провел ночь на болоте. Неделю спустя он заболел лихорадкой и через три недели умер, как мы видели.

Все эти события и многие другие проносились в уме Леонарда, сидевшего долгие часы у тела умершего брата. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким, таким покинутым и несчастным. Теперь на свете у него нет друга, если не считать слуги Оттера. Несколько лет он уже не был в Англии; самые близкие родственники не заботились более о нем и его брате, изгнанных, странствующих по чужим странам; его школьные товарищи, вероятно, забыли о его существовании.

Там, на родине, было еще одно существо. Джен Бич. Но с той памятной ночи семь лет он ничего не слышал о ней. Два раза он писал ей, но не получил никакого ответа на свои письма. Более он не возобновлял своих попыток писать, будучи самолюбивым человеком. Вместе с тем он догадывался, что она не могла ему отвечать. Как он сказал своему брату, Джен или умерла, или, что было всего вероятнее вышла замуж за м-ра Когена. Однако когда-то они любили друг друга, да он и теперь еще любит ее, или, по крайней мере, думал так. Действительно, все эти тяжелые годы изгнания, трудов и беспрестанных поисков ее образ и память о ней жили в его сердце как далекий сладкий сон, полный мира и красоты, хотя у него остался от нее последний подарок – молитвенник и локон волос. Пустыня не такое место, где люди могут забыть свою первую любовь. Да, он был один, совершенно один, среди диких стран и грубых, необразованных людей и дикарей. А теперь что он будет делать? Здешнее место истощено. Тут, действительно, было наносное золото, но Леонард знал, что оно находится не в земле, но в жилах кварца, скрытых в горной породе. Чтобы извлечь богатство оттуда, нужны машины и капитал. Кроме того, слуги его, кафры, исчезли, избегая тяжелой работы и лихорадки, а других и не найти в это время года. Очевидно, остается одно: вернуться в Наталь и приняться за какое-нибудь другое дело.

Здесь Леонард вдруг вспомнил о своем обете – искать до тех пор, пока он не добьется своей цели или не умрет. Очень хорошо, он исполнит свое обещание. Затем он вспомнил любопытное предсказание умирающего, что он достигнет богатства.

Конечно, это был не более, как бред. Столько лет его брат безуспешно стремился к своей цели, восстановлению чести их древней фамилии; неудивительно, что в час смерти он увидел, что цель эта достигнута, хотя и другим. Однако, как странно он смотрел на него! С каким убеждением он говорил! Все это, конечно, не может иметь никакого значения; он, Леонард, дал несколько лет тому назад клятву и еще в прошлую ночь обещал стремиться к

выполнению этой клятвы. Поэтому, худо или хорошо, но он должен действовать до конца.

Таким размышлениям предался Леонард, сидя у тела своего брата, товарища его детских игр и друга.

Время от времени он вставал со своего места и прохаживался около грота. После полудня воздух сделался еще более знойным, и большая туча собиралась на горизонте.

- Вечером будет гроза, - проговорил Леонард, - как только Оттер придет, надо будет похоронить тело, а то придется ждать до завтра!

Наконец, за полчаса до захода солнца, Оттер появился у входа в грот. На плечах его была привязана убитая коза, а в руках он держал большой пучок ярких горных лилий.

Двое мужчин похоронили Томаса Утрама в вырытой им самим могиле, и раскаты грома заменили для него погребальное пение.

V. Оттер дает совет

Когда погребение было окончено и Томас Утрам успокоился навеки в своем постоянном земном жилище, его брат, взяв молитвенник, подаренный ему некогда Джен Бич и составлявший, по правде говоря, всю его библиотеку, прочел над могилой погребальную службу, окончив свое чтение при блеске молнии. Затем он и Оттер вернулись в грот и поужинали, не произнеся ни слова. После ужина Леонард обратился к карлику:

- Оттер! Ты человек надежный и ловкий. Я хочу тебе рассказать одну историю и спросить тебя кой о чем. - Во всяком случае, - проговорил он про себя по-английски, - в подобных вещах его суждение столь же важно, как и мое.

- Говори, баас, - ответил тот, - мои уши открыты!

– Оттер! Умерший баас и я приехали в эту страну около семи лет тому назад. До отправления нашего сюда мы были богатыми людьми, старшинами в нашей земле, но потеряли наши краали, скот и земли; они были проданы, и другие взяли их, а мы стали бедными. Да, мы, бывшие жирными, стали тощи, как быки в конце зимы. Тогда мы сказали один другому: здесь у нас нет более дома, позорная бедность обрушилась на нас, мы – разбитые корабли, люди, не имеющие никакого значения; однако, будучи благородной крови, мы не можем здесь зарабатывать пропитание трудом, подобно обыкновенным людям, иначе и простые, и благородные будут смеяться над нами. Большой каменный крааль отнят у нас: другие занимают его, чужие женщины хозяйничают в нем и их дети бегают по нашей земле; мы должны уехать!

– Кровь есть кровь, – прервал Оттер, – а богатство ничто! Отчего ты, отец мой, не выгнал этих чужестранцев и не взял обратно твой крааль?

– В нашей стране этого нельзя сделать, Оттер: богатство там значит больше породы. Если бы мы сделали это, то подверглись бы еще большему позору. Одно богатство могло бы возратить нам наш дом, а у нас его не было. Тогда мы поклялись друг другу, умерший баас и я, что поедem в эту дальнюю страну искать богатства, с которым мы могли бы вернуть наши земли и крааль, чтобы оставить их после себя своим детям!

– Прекрасная клятва, – сказал Оттер, – а здесь вы поклялись бы иначе, и сталь решила бы спор о краале, а не желтое железо!

– Мы приехали сюда, Оттер, и семь лет работали усерднее самого последнего из наших слуг; путешествовали там и тут, смешивались со многими народами, изучили несколько языков, и что же мы нашли? Баас Том – могилу в пустыне, а я – скудную пищу, которую может дать пустыня, не более. Богатства мы не приобрели, Оттер, а я поклялся или достичь его, или умереть, и еще в прошлую ночь обещал брату исполнить свою клятву!

– Это хорошо, баас; клятва есть клятва, и честные люди должны исполнять ее. Но здесь нельзя добыть богатств; ведь золото большею частью скрыто в этих скалах, которые слишком тяжелы, чтобы увезти их, а кто может достать золото из скал? Этого не сделать нам, даже если лихорадка и пощадит нас. Нам надо уйти отсюда куда-нибудь в другое место!

– Слушай, Оттер. Это еще не все. Умерший баас перед своей смертью видел в будущем, что я найду золото с помощью женщины, и просил меня остаться здесь некоторое время после его смерти. Скажи теперь, Оттер, ты, вышедший из народа, знающий толк в снах и видениях, и сам сын толкователя снов, было это действительно видение или фантазия больного?

– Не знаю, – отвечал Оттер. – Наверное, дух, или голос кого-то, оплакивающего умершего!

– Мы здесь единственные плакальщики! – сказал Леонард; и едва он произнес эти слова, как пронзительный вой опять огласил воздух. Как раз в это время луна вышла из-за облаков, и при ее свете они увидели того, кто производил странные звуки. Шагах в двадцати от них, на противоположном склоне холма, скорчившись на камне и закрыв лицо руками, в полном отчаянии, сидела высокая женщина изнуренного вида.

С изумлением Леонард направился к ней, сопровождаемый карликом. Женщина была так поглощена своим горем, что не слышала и не видала их приближения. Даже когда они совсем близко подошли к ней, она не заметила их, так как лицо ее было закрыто худыми руками. Леонард с любопытством посмотрел на нее. Это была женщина старше средних лет, очевидно, когда-то красивая, и для туземки с очень светлой кожей. Кудрявые волосы ее начинали седеть, руки и ноги были тонки и хорошей формы. Более Леонард ничего не мог разглядеть, так как лицо она закрыла руками, а фигура была обернута рваным одеялом.

– Матушка, – сказал он на диалекте сизуту, – что с тобою, о чем ты плачешь?

Женщина, отняв руки от своего лица, с криком ужаса вскочила на ноги. Взгляд ее упал сначала на Оттера, стоявшего прямо перед ней, и при виде его крик замер на ее губах, – она окаменела от ужаса. Вид ее был так странен, что карлик и его господин с молчаливым удивлением смотрели на нее, ожидая, что будет дальше.

Женщина первая прервала это молчание, заговорив глухим голосом, полным суеверного ужаса и обожания, и опустилась на колени:

– Наконец ты пришел требовать от меня ответа, – сказала она, обращаясь к Оттеру, – о, ты, имя кого Мрак, кому я была назначена в замужество и от кого в

молодости убежала!? Тебя ли я вижу во плоти, господин ночи, король крови и ужаса, а это твой жрец? Или я грежу? Нет, я не грежу; убей меня, жрец, и пусть мой грех будет очищен!

- Кажется, - сказал Оттер, - мы имеем дело с сумасшедшей!

- Нет, Джаль, - отвечала женщина, - я не сошла с ума, хотя недавно была близка к этому!

- Ну, и меня не зовут ни Джалем, ни Мраком! - отвечал с раздражением карлик. - Перестань говорить глупости и скажи белому господину, откуда ты, а то я устал от этого разговора!

- Если ты не Джаль, черное существо, то это очень странно, так как Джаль имеет такой же вид, как у тебя. Но, может быть, ты не хочешь, облекшись во плоть, признаться в этом мне. Ну, тогда делай, как хочешь. Если же ты не Джаль, то я безопасна от твоего мщения, а если ты Джаль, то прошу тебя простить грех моей юности и пощадить меня!

- Кто такой Джаль? - с любопытством спросил Леонард.

- Не знаю, - отвечала женщина, внезапно переменив тон. - Голод и утомление смутили мой ум, и я говорила вздорные слова. Забудь их и дай мне есть, бледнолицый, - прибавила она жалобным голосом, - дай мне есть, я умираю от голода!

- У нас сильный недостаток в пище, - отвечал Леонард, - но мы поделимся с тобой, чем можем. Следуй за мною, матушка! - и он повел ее к гроту.

Оттер дал ей пищи, и она принялась есть, как человек, голодавший долгое время, с удовольствием, но и с усилием. Покончив с едой, она посмотрела на Леонарда своими смелыми черными глазами, проговорив:

- Скажи, белый господин, ты работороговец?

- Нет, - отвечал он хмуро, - я раб!

- Кто же твой господин – этот черный человек?

- Нет, он только раб раба. У него нет господина, а есть госпожа, которую зовут судьбою!

- Самая худшая из всех и в тоже время самая лучшая, – сказала старуха, нахмурившись, – она вновь смеется и к ударам примешивает поцелуи!

- Удары ее я хорошо знаю, а поцелуи – нет, – отвечал мрачно Леонард и прибавил другим тоном. – Что же с тобой случилось, матушка, как тебя зовут, и что ты ищешь, бродя одна в горах?

- Меня зовут Соа, и я ищу помощи для той, кого люблю, и кто теперь находится в горестном положении. Хочешь, господин, слушать мой рассказ?

- Говори, – сказал Леонард.

Женщина, сев на землю перед ним, начала свой рассказ.

VI. Рассказ Соа

- Господин, я, Соа, служанка белого человека, купца, живущего на берегах Замбези в четырех днях пути отсюда. У него есть дом, построенный им несколько лет тому назад.

- Как имя белого человека? – спросил Леонард.

- Черный народ зовет его Мэвум, а бледнолицые – Родд. Он хороший господин и не простой человек, но у него есть один недостаток – по временам он пьет. Двадцать лет тому назад, или больше, Мэвум женился на белой женщине, дочери португальца, жившего у бухты Делагоа. Она была прекрасна, ах, как прекрасна! После женитьбы он поселился на берегах Замбези, сделался купцом и выстроил там дом, от которого теперь остались одни развалины. Здесь его жена умерла от родов; да, она умерла на моих руках, и я воспитала ее дочь Хуанну, ухаживая за ней от колыбели и до настоящих дней.

– После смерти своей жены Мэвум стал сильно пить. Когда он не пил, то это был ловкий и хороший торговец; по временам он собирал на большие суммы слоновую кость, перья, золото и сотнями воспитывал рогатый скот. Тогда он говорил, что хочет оставить пустыню и уехать за море, в неизвестную мне страну, откуда приезжали англичане.

– Дважды он отправлялся со мной и с Хуанной, своей дочерью, моей госпожой, которую черный народ прозвал Небесною пастушкой, приписав ей дар предсказывать дождь. Однажды Мэвум остановился в городе Дурбан, в Натале, и, напившись пьяным, в один месяц прожил все свои деньги, в другой раз он потерял вновь нажитое им состояние при переправе через реку, когда лодку опрокинул гиппопотам, и золото со слоновой костью потонуло. В последнюю поездку он оставил свою дочь в Дурбане, где она прожила три года, изучая те вещи, которые знают белые женщины, так как она очень умна, так же умна, как добра и прекрасна. Года два тому назад она вернулась назад в поселение, доехав на судне до бухты Делагоа, где ее встретил Мэвум.

– Раз моя госпожа сказала своему отцу, что ей наскучила их уединенная жизнь в пустыне и что она хочет ехать за море в страну, которую она называла домом. Он послушался ее, так как Мэвум очень любил свою дочь, и сказал, что сделает так, но что до этого он хочет отправиться в путешествие по реке для закупки в одном месте большого количества слоновой кости. Она была против этого, говоря: поедем, наконец, мы уже достаточно богаты. Отправимся в Наталь и поедем за море. Но он ничего не хотел слушать, так как был очень упрямый человек.

– На следующее утро он отправился за слоновой костью и лэди Хуанна, его дочь, плакала, хотя она и бесстрашна, оставшись одна. Кроме того, она не любила быть вдали от отца, не имея возможности следить за тем, чтобы он не напивался пьяным.

После отъезда Мэвума прошло двенадцать дней. Я и моя госпожа сидели в поселении, ожидая его возвращения. У моей госпожи есть обыкновение, одевшись поутру, читать какую-то священную книгу, в которой написаны законы того Высочайшего, которого она почитает. Поэтому наутро, тринадцатого числа, она сидела на веранде дома и читала эту книгу, а я занималась приготовлением пищи. Вдруг я услышала шум и, выглянув через забор, окружавший сад и весь дом, кроме веранды, увидела много людей – белых, арабов и мулатов; один из

них был верхом, а остальные пешком; за ними тянулся длинный караван рабов с веревками на шее.

– Подойдя ближе, эти люди стали стрелять в жителей поселения; некоторые были убиты, многие взяты в плен, а другие убежали – те, кто был на полевых работах и видел приближение работорговцев.

Со страхом глядя на все это, я увидела, что моя госпожа, все еще с книгой в руках, побежала к забору, за которым я стояла. Но когда она достигла его, человек, сидевший верхом на муле, преградил ей дорогу, и она, обернувшись, посмотрела на него, прислонившись спиной к забору. Тогда я спустилась с забора и, спрятавшись за банановыми деревьями, стала смотреть в щель забора.

– Человек, сидевший на муле, был стар и толст, с седыми волосами и желтым морщинистым лицом. Я знала его раньше и слышала о нем: много лет он был ужасом этой страны. Черный народ зовет его «Желтым дьяволом», а португальское имя его Перейра; он имеет свое жилище в уединенном месте в одном из устьев Замбези. Сюда он собирает своих рабов, и сюда дважды в год приезжают торговцы и отвозят рабов на рынки.

– Этот человек посмотрел на мою госпожу, в ужасе прислонившуюся к забору, и, засмеявшись, вскричал по-португальски: – Вот славная добыча! Должно быть, это та Хуанна, о красоте которой я столько слышал. Где ваш отец, моя голубка? Уехал по торговым делам, не правда ли? А, я это знал; иначе, может быть, я бы и не отважился приехать сюда. Но с его стороны нехорошо оставлять в одиночестве такое милое существо. Хорошо, хорошо, он занят своим делом, а я должен приступить к своему; ведь я тоже купец, моя голубка, торгующий черными птичками. Птички с серебристыми перьями не часто попадались мне, и я должен побольше сделать для вас. Здесь есть молодые люди, которые за такие глаза, как у вас, дадут много. Не бойтесь, моя голубка, мы скоро найдем вам супруга!

– Так говорил Желтый дьявол в то время, как моя госпожа испуганно смотрела на него, а слуги работорговца громко смеялись его злым словам.

Наконец, она, казалось, поняла, о чем он говорил, и я увидела, что моя госпожа медленно подняла свою руку к голове. Я догадалась о ее намерении. Она носила в своих волосах спрятанный там страшный яд, малейшая крупица которого,

попав на язык, тотчас же убивает человека. Секрет этого яда я открыла ей; моя госпожа постоянно имела яд при себе на тот случай, если ей будет угрожать худшее, чем смерть. Тогда в ужасе я прошептала ей через щель забора на древнем языке, которому я ее учила, – языке моего народа:

– Удержи свою руку, госпожа: пока ты жива, ты можешь еще освободиться, а от смерти нет освобождения. Будет еще время употребить яд, когда самое худшее станет угрожать тебе!

– Она услышала меня, и, слегка наклонив свою голову, опустила руку. Тогда Перейра снова заговорил:

– Теперь, если вы готовы, мы можем отправляться; до моего гнезда восемь дней пути, а кто может сказать, когда придут покупатели за моими черными птицами? Не хотите ли вы что-нибудь сказать перед отправлением, моя голубка?

Тогда, мол, госпожа впервые заговорила с ним:

– Я в вашей власти, но не боюсь вас; знайте, что в случае необходимости я могу ускользнуть от вас. Только я скажу вам следующее: ваше злодейство навлечет смерть на вашу голову, – и она бросила взгляд на тела убитых работорговцами, на пленников, на которых были надеты цепи и деревянные колодки, и на дым, поднявшийся над ее домом, подожженным злодеями.

– Одно мгновение португалец казался испуганным, затем громко засмеялся и, перекрестившись по обычаю этого народа для защиты от проклятия, произнес:

– Как! Вы пророчествуете, моя голубка! Вы говорите, что можете ускользнуть, если захотите. Ну, мы это посмотрим. Приведите другого мула для лэди!

– Мул был приведен, и Хуанна, моя госпожа, села на него. Затем работорговцы пристрелили тех из рабов, которые, по их мнению, не имели никакой цены; погонщики рабов ударили последних кожаными плетками, и караван двинулся к берегам реки.

– Когда он скрылся из виду, я вышла из своего убежища, отыскивала тех из поселенцев, которым удалось ускользнуть от рук злодея, и просила их пойти с

оружием по следам Желтого дьявола, чтобы при удобном случае освободить мою госпожу, которую они любили. Но они боялись сделать это, да и многие из старшин были взяты в плен. Они только плакали о своих умерших родственниках и сожженных краалях.

– Трусы! – сказала я им. – Если вы не хотите идти, то я одна пойду. По крайней мере, пусть кто-нибудь из вас пойдет вверх по реке и, отыскав Мэвума, расскажет ему о том, что произошло в его доме!

– Они обещали мне это, и я, взяв одеяло и немного пищи, отправилась следом за караваном работорговцев. Четыре дня я шла за ними, пока, наконец, у меня не вышла пища и силы не оставили меня. На утро пятого дня я не могла больше идти и, взойдя на вершину скалы, долго следила за извивавшимся по равнине длинной лентой караваном. В середине его были два мула, и на одном из них сидела женщина. Тогда я убедилась в том, что еще ничего не случилось с моей госпожой, так как она была еще жива.

– С горы я увидела вдали маленький крааль. Собрав последние силы, я пошла к нему. Жителям его я сказала, что убежала от работорговцев, и они приняли меня ласково. От них я узнала, что несколько белых людей из Наталя искали в этих горах золото, и весь следующий день я провела в поисках, думая, что они могут помочь мне, так как хорошо знаю, что англичане не любят работорговцев. Вот, наконец, господин, я пришла сюда с большим трудом и прошу тебя освободить мою госпожу из рук Желтого дьявола. О, господин, я кажусь бедной и жалкой; но скажу тебе, что если ты освободишь ее, то можешь получить большое вознаграждение. Да, я открою тебе то, что скрывала всю мою жизнь, даже от моего господина Мэвума. Я открою тебе тайну сокровищ моего народа, «детей тумана»!

При этих словах Леонард, молча и внимательно слушавший рассказ Соа, поднял голову и посмотрел на нее, думая, что горе помутило ее рассудок. Однако на лице женщины выразалось только сильное волнение, но не сумасшествие.

– В своем ли ты уме, матушка? – сказал он наконец. – Ты видишь, что я один здесь со слугой, так как три моих товарища, о которых люди из крааля говорили тебе, умерли от лихорадки, и я сам поражен ею. Как же ты просишь меня отправиться в этот лагерь работорговцев, местонахождения которого ты даже не знаешь, чтобы одному освободить твою госпожу, если действительно у тебя есть госпожа и твой рассказ верен? Как не подумать, что ты не в своем уме?

– Нет, господин, я не сошла с ума, и то, что я говорила тебе, правда до последнего слова. Конечно, я прошу большой вещи, но хорошо знаю, что вы, англичане, можете сделать любые дела, если вам хорошо заплатить. Постарайся помочь мне, и ты получишь хорошее вознаграждение. Даже если тебе и не удастся помочь мне и ты останешься жив, то все-таки получишь награду, хотя не так много, может быть, но все-таки больше того, что мог бы когда-нибудь получить!

– Не говори больше о вознаграждении, – раздраженно прервал ее Леонард, которого задел скрытый сарказм слов Соа. – Вот лучше не можешь ли ты вылечить меня от лихорадки? – прибавил он, смеясь.

– Я могу это сделать, – спокойно отвечала она, – завтра утром я буду лечить тебя!

– Тем лучше! – сказал он с недоверчивой улыбкой. – А теперь скажи мне, куда же увезли твою госпожу? Вероятно, то гнездо, о котором говорил португалец, находится в тайном месте? Сколько дней тому назад она была увезена?

– Сегодня идет 12-й день, господин. А место гнезда – тайна, вот все, что я знаю. Открыть ее – дело твоей мудрости!

Леонард подумал немного, и внезапная мысль осенила его. Обратившись к карлику, который в молчании слушал разговор Соа с Леонардом, он сказал ему по-голландски:

– Оттер, тебя когда-то уводили в рабство?

– Да, баас, это было десять лет тому назад!

– Как это случилось?

– Вот как, баас. Я охотился на Замбези с воинами одного племени – это было после того, как мой собственный народ прогнал меня, потому что, по их словам, я был слишком безобразен, чтобы быть их начальником, на что имел право по рождению. В это время Желтый дьявол, тот самый человек, о котором говорит эта женщина, с арабами напал на нас и увлек в свое убежище, чтобы ждать

здесь покупателей рабов. В тот день, когда последние прибыли, я убежал вплавь, а все остальные, оставшиеся в живых, были увезены на кораблях в Занзибар!

- Можешь ли ты найти дорогу к этому месту?

- Да, баас, хотя найти место очень трудно, так как дорога к нему идет болотами. Кроме того, место это скрыто и защищено водою. Всем рабам во время последнего дня пути были завязаны глаза. Но я поднял повязку при помощи носа, - ах, мой большой нос очень хорошо служил мне в этот день - и следил за дорогой из-под повязки, а Оттер никогда не забудет дороги, по которой прошли его ноги. Вот почему я и смог по той же дороге вернуться назад!

- Ты мог бы отсюда найти это место?

- Да, баас. Я пошел бы вдоль этих гор, десять дней или более, пока бы не достиг южного рукава Замбези ниже Люабо. Затем мне было бы нужно еще один день следовать вниз по реке, а после этого два дня по болотам, и я пришел бы к месту. Но это неприступное убежище, баас, и там много людей с ружьями, есть даже большая пушка!

Леонард снова подумал и, обратившись к Соа, спросил ее:

- Ты понимаешь по-голландски? Нет? Я должен тебе сказать, что узнал кое-что об этом гнезде от моего слуги. Перейра сообщил, что от дома твоего господина восемь дней пути, так что твоя госпожа три или четыре дня находится в гнезде, если она только увезена туда. Затем, насколько я знаю обычаи работоторговцев этих мест, они не начнут выводить рабов еще целый месяц, пока не прекратятся муссоны. Поэтому, если я не ошибаюсь, времени еще довольно. Заметь, матушка, что я не обещаю еще ничего: сначала я должен подумать!

- Да, белый человек, ты сделаешь все, если узнаешь вознаграждение. Но про это я скажу тебе завтра, после того, как вылечу тебя от лихорадки. А теперь, пожалуйста, черный человек, укажи мне место, где я могла бы спать: я очень утомлена!

VII. Леонард клянется кровью Аки

На следующее утро Леонард проснулся рано от тревожного сна, так как лихорадка начинала сильно мучить его, но Соа встала еще раньше, и когда он вышел из грота, то первое, что увидел, была ее высокая фигура, склонившаяся над стоявшим на огне котелком, содержимое которого она по временам помешивала.

– Доброго утра, белый человек! – сказала она. – Вот здесь то, что вылечит тебя от болезни, как я обещала! – и она сняла с огня котелок.

Леонард понюхал: жидкость пахла отвратительно.

– Это скорее способ отравить меня, матушка! – сказал он.

– Нет, нет, – отвечала она с улыбкой, – выпей половину теперь и половину в полдень, и лихорадка больше не будет тебя беспокоить!

Как только жидкость остыла, Леонард выпил половину ее, сильно сомневаясь в успехе лечения.

– Хорошо, матушка, если грязь есть доказательство добродетели, то твоё средство окажется хорошим! – проговорил он.

– Оно хорошо, – важно говорила она, – многие были спасены им на краю смерти!

Благодаря ли средству Соа, или по другой причине, но Леонард уже с наступлением ночи стал себя чувствовать гораздо лучше, а дня через два он был здоров.

Вскоре после того, как Леонард выпил лекарство, он увидел Оттера, спускавшегося с холма с большим убитым животным на плечах.

– Старуха принесла нам счастье, – проговорил карлик, положив на землю свою добычу. – Кусты опять полны дичью. Я только вышел сегодня, как убил молодого «киду» (антилопу), жирного, и там их еще много.

Из принесенной Оттером добычи был приготовлен завтрак, после которого Леонард опять заговорил с Соой.

- Матушка, - начал Леонард, - прошлую ночь ты просила меня отважиться на великое дело, обещая мне за это вознаграждение. Ты говорила, что мы, англичане, можем много сделать за золото, а я бедный человек, ищущий богатства. Ты просишь меня рискнуть моей жизнью; ну, так скажи мне, за какую цену ты предлагаешь мне сделать это?

Соа несколько минут молча смотрела на него и потом ответила:

- Белый человек, слышал ли ты когда-нибудь о моем народе, «детях тумана»?

- Нет, только знаю, что он есть. Что же дальше?

- Вот что: я, Соа, была дочерью Верховного жреца этого народа и убежала оттуда много лет тому назад, после того, как была назначена для жертвоприношения богу Джалю, который имеет такой же вид, как этот черный человек! - указала она на Оттера.

- Это очень интересно, - сказал Леонард, - продолжай!

- Белый человек, этот народ - великий народ. Он живет в Стране тумана, на возвышенностях, под сенью снежных горных вершин. Мои соплеменники ростом больше других людей и очень жестоки, но женщины их прекрасны. О происхождении моего народа я не знаю ничего; оно затеряно в прошлом. Он почитает древнюю каменную статую, имеющую вид карлика, и приносит ему в жертву кровь людей. У подножия статуи находится пруд с водой, а к нему примыкает пещера. В этой пещере, белый человек, живет тот, изображение которого мой народ почитает, - Джаль, имя которого - Ужас!

- Ты хочешь сказать, что карлик живет в пещере? - спросил Леонард.

- Нет, белый человек, не карлик, но священный крокодил, которого они называют змеем, громаднейший крокодил и самый старейший, так как он жил там с самого начала мира. Этот змей пожирает тела тех, кого приносят в жертву черному существу!

– Все это очень любопытно, – заметил Леонард, – но я не вижу, какую же пользу можно извлечь из всего этого?

– Белый человек, жрецы детей тумана приносят в жертву своему богу не только жизнь детей, но и такие безделки! – и, освободив внезапно свою руку, она показала изумленному Леонарду рубин или камень, казавшийся рубином, необычайной величины и ослепительного блеска.

– У твоего народа много таких камней, Соа? – спросил Леонард. – Где же они находят их?

– Да, белый человек, они много находят их в сухом ложе реки, хотя, конечно, такие большие попадают редко, в одном месте, известном только жрецам; вместе с такими они находят еще другие камни прекрасного голубого цвета!

– Должно быть, сапфиры, – подумал Леонард, – их обыкновенно находят вместе!

– Они откалывают их каждый год, – продолжала она, – и самый большой из камней, найденный ими, привязывают ко лбу той женщины, которая избирается в жены богу Джалю. Затем, еще до жертвоприношения, они снимают камень со лба и прячут его в тайном месте, где сложены все камни, бывшие у всех предыдущих жертв. Глаза Джалья также сделаны из этих камней. Легенда в моем народе, белый человек, гласит, что Джаль, бог смерти и зла, убил свою мать, Аку, в давно минувшие времена. На том месте, где он убил ее, находят красные камни, это ее кровь, и голубые – ее слезы, которые она проливала, умоляя его о пощаде. С тех пор кровь Аки приносят в жертву Джалю и будут приносить до тех пор, пока Ака не вернется снова принимать поклонение от страны!

– Прекрасный пример из мифологии, – проговорил про себя Леонард, – наши старые друзья – мрак и заря в африканской интерпретации, я полагаю. Слушай, матушка, – обратился он снова к Соа. – Этот камень, если он драгоценный, стоит нескольких унций золота, но есть другие камни, так похожие на него, что неопытный человек может спутать их, и те камни имеют очень маленькую цену. Конечно, очень может быть, что этот камень, а также и другие, о которых ты говоришь, настоящие рубины; во всяком случае, я бы хотел достать их. Но скажи мне, какой у тебя план? Как я могу добыть эти рубины?

– Белый человек! – отвечала она. – Если ты согласишься помочь мне, я тут же дам тебе этот камень. Пообещай мне только предпринять освобождение моей госпожи! Я вижу по твоим глазам, что ты исполнишь обещание, раз дашь его! – и она, замолчав, смело посмотрела на него.

– Очень хорошо, – сказал Леонард, – но, принимая во внимание риск, я нахожу цену недостаточной. Как я сказал тебе, этот камень может ничего не стоить. Ты должна предложить что-нибудь получше, матушка!

– Верно, белый человек, я судила о тебе правильно, – отвечала с усмешкой Соа, – конечно, ты мудро рассудил: за маленькое вознаграждение – малое дело. Вот какую плату я предлагаю тебе. Если тебе удастся освободить мою госпожу из когтей Желтого дьявола, я, от ее имени и от своего собственного, обещаю привести тебя в страну моего народа и укажу средство достать все другие бесценные камни, спрятанные там!

– Хорошо, – сказал Леонард, – но почему ты обещаешь не только от своего имени, но и от имени твоей госпожи?

– Без нее ничего нельзя сделать, белый человек, мой народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить его войною. Здесь хитрость должна служить нам оружием!

– Ты должна говорить яснее, Соа. Я не могу победить народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить этот народ хитростью, и какое отношение ко всему этому имеет мисс Родд, твоя госпожа?

– Это ты узнаешь со временем, белый человек, после того, как освободишь ее. До тех пор губы мои будут закрыты. Скажу тебе только, что у меня есть план, и этого довольно, больше я ничего не скажу. Если ты откажешься, то я обращусь за помощью к другим!

Леонард подумал немного и, видя, что она решила ничего более не объяснять, сказал:

– В таком случае, хорошо. Но я не знаю, согласится ли твоя госпожа исполнить данное тобою от ее имени обещание?

– Я отвечала за нее, – сказала Соа, – она никогда не откажется от моего слова. Белый человек, я открыла тебе очень важную тайну, и если ты отправишься вместе со мной в страну моего народа, то мне будет угрожать смерть, если я буду разоблачена. Я рассказала тебе это и предложила подарок потому, что видела твою нужду в деньгах, и была уверена в том, что не имея надежды на получение денег, ты бы не захотел рисковать жизнью в таком опасном деле. Но я так люблю мою госпожу, что готова рискнуть моей жизнью, ах, я отдала бы шесть жизней, если бы имела их, чтобы только спасти ее от позорного рабства. Ну, белый человек, мы говорили достаточно. Ты согласен?

– Что ты скажешь на это, Оттер? – спросил Леонард, задумчиво пощипывая свою бороду. – Ты слышал этот удивительный рассказ? Дай мне совет: ты человек ловкий!

– Я слышал весь рассказ, баас, – отвечал Оттер, – что касается моей ловкости, то я, может быть, ловок, может быть – нет. Мой народ говорил, что я ловок, и это было одной из причин, почему он не хотел меня своим вождем. Если бы я был только ловок, они бы это перенесли, как и мое безобразие; но так как я был и ловок, и безобразен, то они не захотели такого вождя. Они боялись, что я могу сделать весь народ безобразным!

– К чему ты говоришь все это? – сказал Леонард, понимавший однако, что карлик говорил так с целью дать ему самому время обдумать свой ответ. – Дай мне совет, Оттер!

– Баас, что я могу тебе сказать? Я не знаю цены этого красного камня. Я не знаю, откуда эта женщина, о которой сердце мне не говорит ничего хорошего; не знаю, правду ли она говорит, или лжет о том далеком народе, живущем в тумане и почитающем бога такого же вида, как я. Нигде еще не поклонялись мне, как богу и, если есть такая страна, то я бы хотел отправиться туда. Что касается освобождения ее госпожи из гнезда Желтого дьявола, то я не знаю, как это сделать. Скажи мне, сколько человек Мэвума было взято в плен с твоей госпожой?

– Человек пятьдесят! – отвечала Соа.

– Хорошо, – продолжал карлик, – если мы освободим этих людей, и если они храбры, то можем кое-что сделать, но, во всяком случае, все это не наверное,

баас. Впрочем, если ты думаешь, что цена хорошая, то мы можем попробовать. Это будет все-таки лучше, чем сидеть здесь. Никто не может знать, что случится. От судьбы не уйдешь.

- Хорошая пословица! – сказал Леонард.

- Соа! Я принимаю твое предложение, хотя безумно было бы надеяться на успех. Теперь мы заключим с тобой письменный договор, во избежание каких-либо недоразумений. Возьми немного крови из горла козы. Оттер, смешай ее с порохом и горячей водой; это заменит нам чернила!

Когда Оттер занялся этим, Леонард стал искать бумагу, которой, однако, не нашлось ни одного клочка. Последний запас бумаги, оставшийся у него, был унесен бурей в ночь смерти его брата. Тогда он вспомнил о молитвеннике, подаренном ему Джен Бич. Чистый листок, на котором стояла подпись Джен, он не хотел портить, поэтому решил писать поперек заглавного листа. Вот что он написал мелкими буквами на первом листе молитвенника:

Договор между Леонардом Утрамом и Соа, туземной женщиной.

I. Означенный Леонард Утрам обязуется употребить все свои силы для освобождения Хуанны, дочери м-ра Рода, взятой в рабство неким Перейрой, работником.

II. В вознаграждение услуг названного Леонарда Утрама, означенная Соа сим обязуется, за свой счет и от имени названной Хуаны Родд, провести его в некоторое место в центре Юго-восточной Африки, населенное племенем, известным под именем «народа тумана», здесь помочь ему овладеть большим количеством рубинов, употребляемых в религиозных церемониях названным племенем. Сверх сего, названная Соа обязуется, от имени упомянутой Хуанны Родд, что последняя будет сопровождать ее в путешествии и будет исполнять среди этого народа ту роль, в какой окажется необходимость для успеха дела.

III. Названные лица взаимно обязуются продолжать дело до тех пор, пока названный Леонард Утрам не убедится, что оно безнадежно.

Заключено в горах Маника, Восточная Африка, 9 мая 18... года.

Окончив этот документ, Леонард громко прочел его и от всей души рассмеялся сам над собой.

Пересказав содержание документа Оттеру, он спросил мнение карлика.

– Очень хорошо, баас, очень хорошо, – отвечал тот, – удивительны эти белые люди! Но, баас, как эта старуха может ручаться за других?

Леонард стал задумчиво пощипывать свою бороду. Карлик коснулся самого слабого места в документе. Но Соа избавила его от затруднения, сказав спокойно:

– Не бойся, белый человек, моя госпожа исполнит то, что я обещала от ее имени. Дай мне перо, чтобы я могла сделать мой знак на бумаге. Но сначала ты должен поклясться этим красным камнем, что будешь стараться исполнить то, что написано тут!

Леонард засмеялся, поклялся и подписал документ, а Соа сделала свою метку. Оттер скрепил бумагу в качестве свидетеля, и дело было окончено. Рассмеявшись снова над всем этим, Леонард, написавший документ скорее в шутку, чем из каких-либо других побуждений, положил молитвенник в свой карман, спрятав также и большой рубин.

Старуха следила за тем, как исчез камень, с выражением торжества на своем злом лице, затем радостно воскликнула:

– А, белый человек, ты взял его и теперь ты мой слуга до конца. Поклясться кровью Аки – настоящая клятва, и горе тому, кто нарушит ее!

– Да, я взял твой камень, – сказал Леонард, – и выполню свою клятву, но нечего говорить о крови Аки, когда мы рискуем нашей собственной кровью. А теперь нам лучше готовиться к отправлению!

VIII. Отправление

Прежде всего надо было позаботиться о пище, и Леонард приказал Оттеру нарезать ломтями козье мясо и положить его на скалы для сушки под палящими лучами солнца. Затем они рассортировали свое имущество и выбрали то, что можно было взять с собой. Увы! Его было немного. По одеялу на каждого, по паре сапог, немного лекарств, два самых лучших ружья с запасом снарядов, компас, бутылку для воды, три ножа, гребень и маленький железный котелок – все-таки значительная тяжесть для двух мужчин и одной женщины, решившихся идти через горы, равнины и болота.

Этот багаж был разделен на три части, причем Соа досталась самая легкая, а Оттеру наиболее тяжелая.

– Ничего, – сказал карлик, – я мог бы нести все три узла, в случае необходимости! – и зная силу карлика, Леонард не счел его слова за хвастовство.

Все вещи, которые они решили не брать с собой, были зарыты в гроте вместе с горными инструментами. Леонард взял также и все добытое им золото – около ста унций. Одну половину его он спрятал вместе с рубином в своем поясе, а другую отдал Оттеру. Сначала он хотел оставить золото в гроте, но потом вовремя вспомнил, что золото ведь может пригодиться, тем более среди португальских и арабских работорговцев.

Вечером, когда все вещи были уложены и луна показалась над горизонтом, Леонард прикрепил свой узел себе на плечи ремнями. Оттер и Соа последовали его примеру. Для того, чтобы избежать дневного зноя и опасности натолкнуться где-нибудь на работорговцев, решено было путешествовать ночью, при свете луны.

– Следуйте за мной через несколько минут, – сказал Леонард Оттеру, – я побуду на могиле брата!

Через четверть часа они тронулись в путь навстречу новым опасностям, а, быть может, и смерти. Впрочем, Леонард бодро смотрел в будущее. В самом деле, разве не исполнилось предсказание его брата? Разве к нему не пришла женщина и не дала ему драгоценный камень, который, если только он настоящий рубин, сам по себе – целое состояние?

Мы не будем следовать шаг за шагом за Леонардом Утрамом и его спутниками. Целую неделю они уже шли по ночам, как и предполагали. Они взбирались на горы, проходили болотами, переплывали реки, то голодая, то имея обильные запасы пищи, которую находили в изредка попадавшихся им бедных краалях.

На восьмую ночь они остановились на склоне высокой горы. Луна зашла, идти далее было невозможно; кроме того, они были утомлены долгим путешествием. Завернувшись в свои одеяла, чтобы защитить себя от ночного холода, они легли под тенью нескольких кустарников, рассчитывая проспать до зари.

На рассвете Оттер разбудил Леонарда.

– Смотри, баас, – сказал карлик, – мы шли правильно. Внизу большая река, а там вдали, вправо, море!

Оттер был прав. Действительно, в нескольких милях от них по большой равнине, покрытой кустарниками и переходившей постепенно в болото, шел тот рукав Замбези, которого они хотели достичь.

– Около пяти часов пути отсюда, – продолжал карлик, – горы приближаются к реке. Туда-то нам и надо идти, чтобы достичь того большого болота, возле которого и находится гнездо Желтого дьявола!

После полудня путники отправились дальше и к ночи, еще до восхода луны, очутились у изгиба горы, примыкавшего к берегу реки. Взошедшая вскоре луна осветила удивительно безотрадную картину. В обширном полукруге, образованном изгибом гор, текла река, усеянная зелеными островами. Низменный берег реки переходил в громадное болото, имевшее в ширину от одной до двадцати миль и заросшее камышом. Запах гнили носился в воздухе над этим местом, наводившим ужас своей пустынностью и разрушением. Однако, оно жило своею собственной жизнью. Стаи диких уток летели с моря, чтобы искать здесь пищи; аллигаторы и гиппопотамы плескались в воде; выпь кричала в камышах, и отовсюду раздавалось кваканье тысячи лягушек.

– Там проходит дорога работорговцев, – сказал Оттер, указывая на одно место на горном берегу реки, – или, по крайней мере, раньше она проходила там!

– Выйдем на эту дорогу, – ответил Леонард, – мы можем немного пройти по ней и затем расположиться на ночлег!

Путники дошли до указанного карликом места, где Оттер стал, точно гончая собака, рыскать по кустам. Через несколько минут он поднял руку и свистнул.

– Так я и думал, – сказал он, когда его спутники подошли ближе, – тропинка та же, что была и раньше. Смотри, баас!

С этими словами Оттер раздвинул один из кустов, под которым оказался разложившийся труп женщины с ребенком.

– Умерла не более двух недель тому назад, – флегматично произнес карлик. – Да! Желтый дьявол оставляет за собой такие следы, что по ним нетрудно найти дорогу!

Соа стала внимательно всматриваться в скелет.

– Одна из женщин Мэвума, – сказала она, наконец, – я узнаю это по костям ног!

После этого пошли далее и часа через два достигли такого места, где тропинка упиралась в реку.

– Что теперь делать, Оттер? – спросил Леонард.

– Здесь рабов сажают в лодки, – отвечал карлик, – перед этим они «выпалывают сорную траву», т. е. убивают слабых и больных, чтобы не возиться с ними. Пойдем туда, посмотрим, там, наверное, есть лодки!

Леонард и Соа пошли по указанному Оттером направлению.

– Есть одна лодка, – сказал карлик, остановившись в одном месте, – и «сорная трава» лежит здесь по-прежнему!

Леонард, подойдя ближе, увидел ужасную картину. На небольшом открытом пространстве лежали сложенные в кучу тела человек сорока мужчин, женщин и детей, недавно умерших. Вблизи виднелись другие кучи костей, страшно

белевших при лунном свете – следы прежних жертвоприношений. Первая куча мертвецов лежала вблизи заросшего мохом места, где были видны следы лодок, очевидно, недавно только отчаливших отсюда.

При виде костей несчастных жертв зверства работорговцев в душе Леонарда вспыхнуло сильное желание встретиться лицом к лицу с Желтым дьяволом, издевавшимся над кровью и агонией беззащитных, и отомстить ему за это, если можно.

– Мы должны остановиться здесь до утра, стало уже темно! – сказал Леонард.

Путники расположились на ночлег на этой Голгофе, в этом ужасном месте, покрытом костями, из которых каждая вопияла к небу о мщении.

В гигантских камышах шумел ночной ветер, придавая клубам тумана фантастические очертания. По временам лягушки поднимали свой концерт, затем снова замолкали; цапля кричала вдали, когда аллигатор или гиппопотам разрушали ее гнездо, а с высоты доносился шум крыльев диких уток, летевших к океану! Но в воображении Леонарда все эти голоса природы сливались в один хор, раздававшийся из кучи костей, хор скорбных звуков, летевших со стоном к небесам и вопивших: Боже, доколе беззаконие будет царить на земле, доколе Твоя рука будет бездействовать?

Когда темнота прошла, и солнце показалось во всем своем блеске, путешественники поднялись, стерли ночную росу с волос и принялись за скудный завтрак. Затем они молча направились к лодке, спустили ее в воду, и Леонард с Оттером взяли за весла.

В этом путешествии по реке оказала им большую услугу превосходная память карлика. Без него они не могли бы сделать ни одной мили, так как река дробилась на бесчисленные лагуны и естественные каналы, прорезанные течением воды в густой чаще тростника. Не было никакой возможности отличить один канал от другого. Тем не менее, карлик уверенно показывал дорогу. Десять лет тому назад он был в этих местах и все же вел Леонарда безошибочно. По временам попадались новые каналы, не существовавшие прежде, но, подумав немного, Оттер указывал, по какому следовало ехать.

Так они двигались вперед большую часть дня, пока к вечеру не достигли места, где отдельный канал, которым они следовали, разделялся на два рукава, принимавших один северное, а другой южное направление.

- Как теперь ехать, Оттер? - спросил Леонард.

- Ну, баас, я и сам не знаю. Вода изменила свое течение: здесь была прежде земля, и дорога шла прямо.

Это была большая опасность; один неверный шаг - и они могли заблудиться в этом лабиринте.

После долгого размышления Оттер предложил, наконец, ехать по левому рукаву, но Соа, до сих пор молчавшая, посоветовала взять вправо. Леонард сначала не согласился, но она настаивала, и лодка поехала в новом направлении. Пройдя ярдов 300 и не видя ничего, Оттер хотел посоветовать повернуть назад.

- Подожди, белый человек, - произнесла вдруг Соа, своими быстрыми глазами внимательно оглядевшая поверхность воды. - Что это там? - указала она на что-то белевшее в тростниках ярдах в сорока впереди.

- Перья, я полагаю, - отвечал Леонард, - однако, поедem туда и посмотрим!

- Это бумага, баас! - сказал Оттер, когда они подъехали близко к заинтересовавшему их белому предмету, - кусок бумаги на тропинке!

- Сними его поосторожнее! - сказал Леонард, с невольнo забившимся сердцем при виде куска бумаги в подобном месте.

Когда Оттер положил на скамейку лодки снятый им с тростника кусок бумаги, Соа стала внимательно разглядывать его.

- Это лист из священной книги, которую читала моя госпожа, - произнесла, наконец, она с убеждением. - Я узнаю ее. Моя госпожа вырвала один лист и укрепила на тростнике, как знак для того, кто бы пошел по ее следам!

– Очень вероятно, – отвечал Леонард. – Тебе пришла очень хорошая мысль поехать по этому направлению. – Затем, нагнувшись к листу бумаги, он прочел следующие стихи, которые еще можно было разобрать:

«Ибо Он смотрит с высоты своего святилища; с неба Господь взирает на землю...

Слышать стоны пленников, освобождать приговоренных к смерти...»

– Гм... – произнес Леонард про себя, – тексты весьма соответствуют нашему положению. Верящий в приметы счел бы это за хороший знак!

Через час они достигли конца острова.

– Ага, – сказал Оттер, – теперь я снова узнаю дорогу. Это тот самый рукав. Если бы мы не вошли в него, то, вероятно, так бы и не попали на правильную дорогу!

– Скажи, Оттер, – спросил Леонард, – ты убежал из лагеря работорговцев, как же это ты сделал, – в лодке?

– Нет, баас. Баас знает, что я силен. Мой дух, давший мне безобразия, одарил меня зато силой, а если бы я был также красив, как ты, но не имел силы, то я был бы теперь или рабом, или мертвым. Со скованными цепями руками я убил того, кто был приставлен стеречь меня, и взял у него нож. Затем я разорвал свои цепи; смотри, баас, у меня до сих пор остались от них рубцы. Затем, когда другие подбежали, чтобы убить меня, я бросился в воду и нырнул, так что они более не видали меня. После я плыл этой дорогой, останавливаясь по временам на островах, иногда же бежал вдоль берега, где тростники настолько густы, что меня никто не мог увидеть. Через четыре дня я был уже в безопасности!

– Чем же ты питался все это время?

– Кореньями и птичьими яйцами!

– А крокодилы не пробовали съесть тебя?

– Да, баас, однажды, но я ловок в воде. Я вскочил на спину водяной змеи и через глаз вонзил нож в ее мозг. Ах! Мой дух тогда был со мною. Затем, вымазавшись кровью крокодила, я спокойно поплыл далее, и аллигаторы более не трогали

меня, принимая по запаху за своего брата.

– Скажи, Оттер, а теперь разве ты не боишься возвращаться в эти места?

– Немножко, баас; ведь мы идем в тот ад, о котором говорите вы, белые люди. Но куда идет баас, туда охотно последую и я. Кроме того, мне хотелось бы взглянуть еще раз на Желтого дьявола, чтобы убить его этими руками!

И карлик, подняв весло, зарычал в ярости:

– Убить его! Убить его! Убить его!

– Тише! – сказал с досадой Леонард. – Ты хочешь напустить на нас арабов, что ли?

IX. Гнездо желтого дьявола

Солнце зашло, и трое путешественников, как и в предыдущую ночь, расположились на острове, ожидая восходы луны. Найдя пару диких утят, они хотели развести костер, чтобы приготовить себе ужин, но Леонард отклонил эту мысль.

– Это опасно, – заметил он, – огонь могут заметить издали!

Пришлось ограничиться скудным ужином из сушеного мяса и сырых утиных яиц.

Хорошо, что они приняли эту предосторожность, так как, едва мрак сгустился, слышался шум весел, и несколько лодок проплыли мимо них. Люди, сидевшие в этих лодках, перекликались по временам на арабском и португальском языках.

– Ложитесь на землю и не шевелитесь! – прошептал Оттер. – Здесь работорговцы будут приставать со своими лодками!

Леонард и Соа последовали его совету, а работорговцы, усердно гребя против течения, прошли ярдах в сорока от них и повернули к берегу.

- Дорогу, товарищи! - кричал один из работорговцев, выезжая на своей лодке вперед. - Место остановки близко, и там есть ром для тех, кто заслужил его!

- Надеюсь, что они не остановятся здесь! - сказал тихо Леонард.

- Тсс... - прошептал Оттер, - они причаливают, я слышу!

Действительно, ярдах в двухстах от них работорговцы пристали к берегу. Вскоре два ярких языка пламени показали, что они развели костры.

- Нам лучше уйти отсюда, - произнес Леонард, - если они заметят нас, то...

- Они не заметят нас, баас, если мы будем лежать тихо! - возразил Оттер. - Подождем здесь. У меня есть другой план. Слушай, баас... - и он зашептал что-то на ухо своему господину.

Леонард согласился на предложение карлика, и они остались на прежнем месте. От костров к ним доносился шум пьяной оргии работорговцев. Через час Леонард поднялся на ноги; его примеру последовал Оттер, проговорив:

- Я пойду ближе, баас. Я могу двигаться, как кошка!

- Куда вы хотите идти, белый человек? - спросила Соа.

- Поближе к ним, чтобы подслушать их разговор. Я понимаю по-португальски. Оттер, возьми нож и револьвер, но ружья не бери!

- Хорошо, - сказала женщина, - будьте только осторожны. Они - ловкий народ!

- Да, да, - ответил Оттер, - но баас тоже ловок, да и я такой же. Не бойся за нас, мать!

Осторожно крадясь по камышам, Леонард и карлик двинулись вперед. Когда они уже были ярдах в двадцати от костров, Леонард оступился и попал ногою в болото, устроив сильный шум. Несколько работорговцев, услышав всплеск воды, вскочили на ноги, но Оттер тотчас зафыркал, подражая голосу молодого гиппопотама.

– Морская корова, – произнес один работорговец по-португальски, – огонь испугает ее, и она не тронет нас!

Леонард и Оттер, выждав некоторое время, подкрались к кусту, вблизи которого сидели работорговцы. Леонард мог ясно слышать каждое слово из разговора негодяев. Их было двадцать два человека. Один, их предводитель, по-видимому, был чистокровный португалец, а остальные – мулаты и арабы. Все они пили из оловянных кружек ром и многие из них были уже полупьяны; по крайней мере, языки их развязались.

– Проклятие отцу нашему, дьяволу, – произнес один мулат, – что ему вздумалось как раз сейчас отправить нас с лодками! Мы можем пропустить потеху!

– Какую потеху? – спросил предводитель банды. – Еще три или четыре дня птиц не будут сажать в клетки: покупателей еще ждут, да и здесь говорят об английском крейсере, – чтоб ему провалиться в преисподнюю, – который снует у устья реки!

– Нет, я не про то говорю, – отвечал мулат, – немного удовольствия посмотреть на продажу вонючих негров; я говорю о продаже с аукциона белой девушки, дочери англичанина-купца, захваченной нами недавно. Вот красotka – для счастливой собаки! Я никогда не видал ничего подобного, – что у нее за глаза, что за характер!

– Ну, вам нечего думать о ней, – усмехнулся вожак, – она слишком дорога для таких молодцов, как вы; кроме того, глупо тратить много денег на девушку, белую или черную. Когда будет аукцион?

– Он был назначен в ночь перед отправлением партий, то теперь говорят, что он состоится завтра ночью. Скажу вам, почему Желтый дьявол спешит с этим делом: он боится ее, думая, что она принесет ему несчастье, и хочет скорее отделаться от нее. Ах! Старик забавник, любит шутки. «Все мужчины братья, –

сказал он вчера, – черные и белые; поэтому все женщины сестры.» На этом основании он хочет продать ее, как негритянку. Ха, ха, ха! Дайте, братец, рому, дайте рому!

– Может быть, он еще отложит этот аукцион, и мы можем поспеть вовремя, – заметил вожак, – во всяком случае, за здоровье этой девушки! Кстати, догадался ли кто-нибудь спросить пароль? Я сам забыл это сделать.

– Да, – отвечал мулат, – прежнее слою «Дьявол»!

Так они говорили около часу, частью о Хуанне, частью о других вещах. Когда работорговцы совершенно опьянели, разговор их сделался настолько возмутительным, что, прислушиваясь к нему, Леонард едва мог лежать спокойно. Наконец, один за другим негодяи погрузились в крепкий сон, и все стихло. Работорговцы не поставили часового, так как здесь на острове не ожидали никаких врагов.

Тогда Оттер приподнялся на руках, и его лицо при слабом свете луны загорелось огнем дикого торжества.

– Баас, – прошептал он, – не сделать ли нам это? – и он провел рукой по горлу.

Леонард задумался на одно мгновение. Его ярость была сильна, однако он содрогался при мысли об убийстве спящих людей, хоть они и были злодеи. Кроме того, разве возможно было сделать это без шума! Некоторые из негодяев могут проснуться, страх отрезвит их, и тогда борьба с ними будет невыносима.

– Нет, – шепотом отвечал он, – иди за мной; мы лучше спустим в воду их лодки.

– Хорошо, хорошо – сказал Оттер.

Крадучись, как змеи, они проползли около сорока ярдов к тому месту, где к низкому дереву были привязаны лодки – три катера и пять широких плоскодонных барок с оружием и провизией работорговцев. Отвязав лодки, они легко оттолкнули их, – и флотилия работорговцев двинулась вниз по течению, чтобы исчезнуть вскоре из виду в ночном мраке.

Сделав это, Леонард и Оттер пошли назад. Путь их проходил шагах в пяти от негодя мулата, говорившего с вожаком о Хуанне. Леонард посмотрел на него и хотел ползти дальше. Уже Оттер был шагах в пяти впереди, как вдруг луна выступила из-за облаков, и свет ее упал на лицо работорговца. Он проснулся, поднял голову и увидел Леонарда. Последнему нельзя было медлить – или тогда все пропало: подобно тигру, вцепился он в горло мулата и сильно сжал его в своих руках, прежде чем тот мог вскрикнуть. Произошла короткая борьба, и в руке Леонарда сверкнул нож. Оттер не успел еще подойти к своему господину, как все было кончено так быстро и тихо, что ни один человек из банды не проснулся, хотя один или два из них шевелились и бредили в тяжелом сне.

Леонард, целый и невредимый, вскочил на ноги и вместе с Оттером поспешно направился к тому месту, где осталась Соа.

Женщина, посмотрев на запачканную кровью куртку Леонарда, лаконично спросила:

– Сколько?

– Один! – отвечал Оттер.

– Я бы хотела, чтобы все, – свирепо промолвила Соа, – но вас только двое!

– Скорее в лодку, – сказал Леонард, – они сейчас погонятся за нами!

В следующую минуту они уже плыли по реке, удаляясь от острова. Сначала лодка была направлена поперек реки к противоположному берегу, отстоявшему от острова ярдах в 800, чтобы можно было скрыться в тени берега. Когда они приблизились к последнему, Оттер, положив весла, весело рассмеялся.

– Чего ты смеешься, черный человек? – спросила Соа.

– Взгляни туда, – отвечал карлик, указывая на какой-то предмет, плывший по течению реки и почти скрывшийся из виду. – Это плывут лодки работорговцев с оружием и провиантом. Мы пустили их по течению, баас и я. Там на острове спят двадцать два человека, все, за исключением одного. Что они найдут, когда проснутся? Они увидят, что очутились одни на островке среди большой реки,

переплыть которую не осмелятся, если бы даже и могли, из боязни аллигаторов. Никакой пищи они не могут найти на острове, не имея ружей; утки ведь не станут дожидаться того, чтобы их схватили голыми руками. У берега будут собираться сотнями аллигаторы, чтобы стеречь их. Мало-помалу они придут от голода в бешенство, станут кричать, но никто не услышит их, тогда они начнут нападать один на другого и, наконец, погибнут все жалким образом, от рук своих же или от челюстей аллигаторов; погибнут, погибнут все! – закончил Оттер и снова засмеялся.

Леонард не мог порицать его: разговор негодяев все еще слышался ему, и он не чувствовал сострадания к ожидавшей их страшной судьбе.

Чу! Слабый звук пронесся по тихим водам реки, звук, скоро перешедший в вопль ужаса и бешенства. Очевидно, работорговцы, проснувшись, заметили, что какой-то таинственный враг был вблизи них, убив одного из их товарищей. Вскоре крики перешли в вой: конечно, они увидели, что лодок нет и они очутились в западне. Леонард и Оттер с противоположного берега реки могли видеть тени испуганных людей, бросавшихся туда и сюда в поисках своих лодок. Но они исчезли и более не вернутся. По мере того, как они двигались вперед, крики становились все менее слышными, и, наконец, полная тишина водворилась во мраке ночи.

Тем временем Леонард рассказал Соа то, что он узнал из разговора работорговцев.

– Далеко ли нам еще ехать, черный человек? – спросила старуха, когда Леонард кончил свой рассказ.

– На закате солнца завтра мы будем у ворот гнезда Желтого дьявола! – отвечал карлик.

Два часа спустя они нагнали лодки работорговцев, пущенные ими по течению. Большинство из них были связаны вместе, они плыли мирной группой.

– Нам лучше пустить их ко дну! – сказал Леонард.

– Нет, баас, – возразил Оттер, – они могут еще понадобиться, если нам удастся благополучно уйти из гнезда Желтого дьявола. Кроме того, может быть, там

найдется пища, в которой мы нуждаемся!

Совет был основателен, и Леонард принял его. Взяв лодки на буксир, на заре трое путников пристали к берегу. Обыскав лодки работорговцев, они, к своей величайшей радости, нашли в них большие запасы пищи, не исключая и жареного мяса, спиртных напитков, сухарей, хлеба и нескольких апельсинов и бананов. Только те, кому приходилось в течение нескольких недель обходиться совсем без мучной пищи, могут понять их радость. Они нашли в лодках и другие вещи: ружья, тесаки, боевые припасы и, что всего лучше, ящик с платьем, принадлежавший, очевидно, жожаку, или жожакам, банды. Между прочим, здесь находилось форменное платье, богато расшитое золотыми шнурами, высокие сапоги и шляпа с пером. Затем тут было несколько длинных арабских одеяний и тюрбанов – парадные костюмы работорговцев. Но самую ценную находкой оказался кожаный кошелек с сотней английских соверенов и 12–15 португальскими золотыми монетами, – «честным заработком» предводителя негодяев.

– Ну, баас, – сказал Оттер, – вот мое слово: мы должны переодеться в эти платья!

– Зачем это? – спросил Леонард.

– Чтобы работорговцы приняли нас за своих братьев.

Ценность этого предложения была настолько очевидна, что оно было немедленно принято. Переодетый в платье работорговца, с пистолетами за шелковым поясом, Леонард смело мог быть принят за одного из самых свирепых охотников за рабами. Оттер, нарядившись в арабский костюм, который пришлось ему обрезать снизу, выглядел тоже внушительно.

Свое собственное платье они спрятали в камышах вместе с лодками на тот случай, если им посчастливится вернуться обратно. Кошелек с деньгами Леонард положил в свой карман. Он не чувствовал никаких угрызений совести, присвоив деньги работорговца, так как хотел употребить их не на свои собственные нужды, а для успеха дела.

Далее дорога шла вдоль болот и состояла из таких троп, которые мог разыскать только человек, часто бывавший в этих местах. Но Оттер не забыл однажды пройденного им пути.

В виду необходимости поспеть к ночи к гнезду Желтого дьявола, они двигались вперед, несмотря на палящий зной. Ни одного живого существа не попадалось им навстречу, хотя там и сям вдоль дороги, в кустах, валялись трупы рабов.

Наконец, за час до заката солнца, они приблизились к жилищу Желтого дьявола. Гнездо было устроено следующим образом. Оно располагалось на острове в 10–12 акров, из которых пригодны для обитания были только акра четыре с половиной. Остальное было болото, заросшее высоким камышом. Болото это, начинаясь от большой лагуны на северной и восточной окраинах острова, примыкало к ряду низких строений, которые на этих фасах считались достаточно защищенными обширным водным пространством.

На южной и западной сторонах вид лагеря был иной: здесь местность была сильно укреплена не только природой, но и рукой человека. Прежде всего, вокруг этих двух фасаов шел канал, не особенно широкий и глубокий, но из-за вязкого дна доступный для переправы только в лодках. На внутреннем берегу этого канала сооружен был вал, по гребню которого шел крепкий забор, обсаженный кустами алоэ и других колючих растений.

Таков был внешний вид этого места. Внутри же он делился на три основные части. Восточная представляла самое гнездо, длинное деревянное строение с большим мощным двором впереди и к западу от него. Здесь были еще два строения: навес на столбах, примыкавший к тому месту, где выгружались лодки с рабами и далее к северу, почти составляя продолжение самого гнезда, но отдельно от него, стояла крепкая каменная постройка – магазин. Вокруг описанных строений виднелись соломенные крыши хижин туземного типа, занятых, очевидно, работорговцами низшего слоя – арабами и мулатами.

Вторая часть, расположенная к западу от первой, представляла собою лагерь рабов. Она занимала всего около акра, и единственным зданием в ней были четыре навеса, подобных тому, в котором продавались рабы, но только большей длины. Здесь рядами лежали рабы, прикованные к железным брусьям, шедшим вдоль навесов. Этот лагерь был отделен от первой части глубоким каналом, в 30 футов ширины. В одном месте через этот канал был перекинут подъемный мост простого устройства, соединявший лагерь рабов с гнездом. Лагерь рабов, подобно гнезду, был окружен также высоким валом, обсаженным колючими растениями. На этом валу, вблизи ворот лагеря рабов и небольшой, примыкавшей к ним сторожки, стояла шестифунтовая пушка, дуло которой было

направлено на лагерь рабов, – грозное предостережение для его обитателей. Вообще, при устройстве гнезда были приняты все предосторожности как против восстания рабов, так и против нападения внешних врагов.

Наконец, третью часть владений Желтого дьявола составлял сад, расположенный за лагерем рабов. Он также был окружен каналом и земляными валами, но не так сильно укреплен, как первые две части гнезда.

Х. Леонард составляет план действий

Дорога, по которой шли Леонард и его спутники, привела их к окраине главного, южного канала, на противоположном берегу которого виднелись ворота, ведущие в гнездо. Но Оттер не повел Леонарда к тому месту, где их могли бы заметить часовые, на вопросы которых они едва ли могли бы ответить удовлетворительно, несмотря на свой маскарадный костюм. Поэтому они, не доходя до ворот ярдов 500, свернули в густой кустарник, покрывавший берег канала. Пройдя через него, они, наконец, очутились у поверхности воды, почти напротив юго-западного угла лагеря рабов, под тенью колючих кустарников вала.

– Слушай, баас, – тихо сказал карлик, – путешествие окончено; я привел тебя к жилищу Желтого дьявола. Остается теперь взять его или освободить оттуда девушку!

Леонард печально посмотрел на гнездо. Возможно ли двум мужчинам и одной женщине взять это укрепленное место, с десятками отъявленных злодеев? Удастся ли даже проникнуть туда? Издали это казалось возможным, а вот теперь принятая им на себя задача представилась в ином свете. Однако, нужно было предпринять что-нибудь, иначе их труды пропадут даром, и бедная девушка, освободить которую они пришли, будет отдана на позор или доведена до самоубийства.

– Вот что, Оттер, – произнес, наконец, Леонард. – Я проделал длинный путь и теперь не отступлю назад. Никогда я еще не делал этого; не сделаю и теперь, хотя и знаю, что верная смерть угрожает мне!

– Все в руках будущего, – отвечал Оттер, – однако надвигается ночь, и нам пора подумать, как действовать. Смотри, баас, вот большое дерево, затененное другими деревьями. Влезем на него, чтобы посмотреть на лагерь!

Леонард согласился и, взобравшись легко на вершину дерева, они увидели, как на ладони, весь лагерь. Оттер указывал Леонарду подробности, которые он знал хорошо, прожив некоторое время пленником в лагере.

На дворе гнезда было видно множество людей разных национальностей в странных костюмах; то были торговцы «черной костью». Их было более ста человек, из которых некоторые гуляли группами, куря и разговаривая, другие забавлялись разными играми, наконец, третьи просто шли по своим делам. Одна из групп – вожаки, судя по богатству костюмов – стояла около магазина; эти люди старались заглянуть внутрь здания сквозь защищенное решеткой окно, на уровень которого они поднимались, садясь на плечи друг другу. Это забавляло их некоторое время, пока, наконец, их не разогнал внезапно появившийся какой-то толстый старик.

– Это Желтый дьявол, – сказал Оттер, – а эти люди смотрели на девушку, имя которой Небесная Пастушка. Она заперта там и выйдет оттуда, только когда наступит час ее продажи. Эти люди покупатели!

Леонард не произнес ни слова: он изучал местность. Забил барабан, и появились люди с широкими оловянными мисками, от которых шел пар.

– Это несут пищу для рабов, – снова заметил Оттер. – Сейчас им будут раздавать ее!

Люди, несшие миски, в сопровождении нескольких надсмотрщиков с трехконечными бичами в руках, перейдя двор, подошли ко рву с водой, отделявшему лагерь рабов от гнезда, и крикнули часовому опустить мост. Когда это было сделано, люди, несшие миски и сопровождаемые каждый еще двумя помощниками, из которых один нес деревянную ложку, а третий воду в большом сосуде, начали обходить навесы. Человек, державший деревянную ложку, хватал ею порции и швырял рабам пищу прямо на землю, как кидают кость собаке, а раб, несший сосуд, лил рабам воду в деревянные баки.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/genri-haggard/lyudi-tumana>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)